

Артур Дойл

Приключения Шерлока Холмса

«АСТ»

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Дойл А. К.

Приключения Шерлока Холмса / А. К. Дойл — «АСТ»,

Как спасти брак короля и кого принимают в «Союз рыжих»?
Способна ли крыса помочь установить убийцу и что можно найти
внутри рождественского гуся? Какое зловещее послание несут в себе
зернышки апельсина и за что отсекли палец инженеру-гидравлику?
На эти и многие другие каверзные вопросы можно с легкостью найти
ответ. Правда, для этого нужно быть всего-навсего гением. Таким,
как мистер Шерлок Холмс с Бейкер-стрит.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Дойл А. К.
© АСТ

Содержание

Предисловие	6
Скандал в Богемии	8
Союз рыжих	23
Установление личности	37
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Артур Конан Дойл

Приключения Шерлока Холмса

Arthur Conan Doyle

THE ADVENTURES OF SHERLOCK HOLMES

Introduction by Mark Gatiss

Published in 2011 by BBC Books, an imprint of Ebury Publishing.

Ebury Publishing is a part of the Penguin Random House group of companies.

Sherlock is a Hartwood Films production for BBC Wales, co-produced with MASTERPIECE.

Executive Producers: Beryl Vertue, Mark Gatiss and Steven Moffat

BBC Executive Producer: Bethan Jones

MASTERPIECE Executive Producer: Rebecca Eaton

Series Producer: Sue Vertue

Introduction © Mark Gatiss, 2011.

This book is published to accompany the television series entitled Sherlock, first broadcast on BBC1 in 2011

Front and back cover photographs by Colin Hutton © Hartwood Films Ltd

© М. Фетисова, перевод предисловия

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Предисловие

Взяв старую черную вересковую курительную трубку, я пригвоздил складным ножом невскрытые письма к каминной полке и погрузился в мрачную задумчивость. Экваториальный шторм воет за окном, посетитель отчаянно дергает шнурок колокольчика. Я готов к приключениям. А вы?

Это действительно честь и удовольствие – получить шанс представить «Приключения Шерлока Холмса». С одной стороны, они остаются для меня лучшими рассказами о Холмсе, историями, написанными Артуром Конан Дойлом в первом порыве литературного успеха и неудержимом всплеске ярких, блестящих идей, которые лились из его поразительно изобретательного ума. Однако есть и другая причина, почему эти истории остаются столь милы моему сердцу: это первые приключения Холмса и Ватсона¹, которые я прочитал.

Не могу сказать точно, когда впервые узнал о самой крепкой литературной дружбе, но помню, что, когда мне было семь, на стене моей классной комнаты висел плакат с Холмсом (с пометкой «Великий детектив»), а замечательные фильмы с Бэзилем Рэтбоуном и Найджелом Брюсом уже навсегда врезались в мою память. Будучи отчаянно некрутым ребенком, я таскался повсюду с маленькой крючковатой желтой пластмассовой трубкой, набитой кокосовым табаком (стояли 1970-е!) или недавно скошенной травой, в зависимости от состояния моих карманных денег, пытаясь делать выводы о поведении отца по дорожке пепла от его «Эмбасси № 3». Не помню, чтобы я докопался до чего-то большего, чем то, что он наступил в какую-то грязь, а потом, когда смотрел «Нешнвайд», зажег сигарету.

Однако я толком не читал ни одной оригинальной истории до той роковой субботы, когда, оправившись после краснухи, получил вознаграждение: поездку в *WH Smith*² и покупку любой книги, какую только захочу.

Там, угнездившись среди всех возможных претендентов на мой блестящий пятидесятипенсовик, красовалась роскошная пухлая книга в пурпурной мягкой обложке с цветной иллюстрацией Сидни Пэджета: «Приключения Шерлока Холмса». Все это обещало увлекательные тайны с легким налетом очарования викторианской эпохи, которую я уже страстно любил. Но сначала было предисловие. Теперь я уже немного из него вспомню, кроме того, что оно заканчивалось волнующе сентиментально: «Хотел бы я прочитать эти рассказы впервые!» Помню, как тем вечером устроился поудобнее в кровати и, волнуясь, приступил. Да!

Там, на этих страницах, я впервые узнал ужасные подробности о пальце мистера Хэдерли, встретил скандально известную Ирен Адлер и самоуверенного Джабеза Уилсона. Там открыл любопытное значение слова «gat» и содержание конверта, повлекшее смерть Элайеса Опеншоу, узнал об Айзе Уитни и слитке золота, о секрете, хранящемся в рождественском гусе, и диком ужасе, который внушал Ройлотт из Сток-Морона. Глубоко, как в багровый викторианский плюш, я погрузился в зловещую и блестящую мелодраму, «Приключения» стали всем, чего я желал, и даже больше. Однако в сердце каждого рассказа лежит в первую очередь история трогательной, невыразимой словами дружбы между двумя совершенно разными людьми: практичным, честным, доблестным Ватсоном и утонченным, беспристрастным и надменным Холмсом. Я полюбил их обоих с того момента, как прочитал:

¹ В русском дубляже телесериала «Шерлок» используется именно такой вариант перевода фамилии доктора, тогда как во многих (в том числе и помещенных в настоящее издание) переводах произведений Конан Дойла встречается вариант «Уотсон». – *Прим. ред.*

² Одна из крупнейших розничных групп в Великобритании, основанная почти 200 лет назад и специализирующаяся на продаже книг, периодики и канцелярских товаров. Название стало нарицательным и часто употребляется просто в форме «Дабл-Ю-Эйч». – *Прим. ред.*

«Для Шерлока Холмса она всегда оставалась «Той Женщиной»», мгновенно охваченный предвкушением романтики и одновременно – меланхоличного намека на потерю. Из этих историй мы узнаем вкусные подробности о доме 221-б по Бейкер-стрит, первые намеки на дела, о которых никогда не прочитаем (Пэредол Чэмбер! Общество Нищих-Любителей! Безумие полковника Уорбэртона!), и дополнительные доказательства холмсовского гения – хладнокровного, но завораживающего.

Когда у нас со Стивеном Моффатом возникла идея осовременить истории (или осовременить их снова, поскольку Рэтбоун и Брюсом сделали это первыми!), это произошло не из-за отсутствия любви к великолепному поздневикторианскому миру. Скорее это было желание почти буквально сдуть туман, что заволок бессмертную дружбу, избавиться от атрибутов, затмивших в нашем сознании Холмса и Ватсона. Мы хотели вернуться к блестящим оригиналам и понять, что, в первую очередь, заставило нас их полюбить. Придерживаясь выбранного пути – с некоторым, я счастлив сказать, успехом – нам удалось экранизировать кой-какие моменты, которых едва (а то и никогда) касались в предыдущих адаптациях. Роковая первая встреча в госпитале Святого Варфоломея, Холмс, порющий трупы, чтобы оценить, появляются ли синяки после смерти, любопытная «подвижная», полученная на войне, рана Ватсона, поразительная неосведомленность Холмса в вопросах, которые его не интересуют, – вроде того, что Земля вращается вокруг Солнца! Мы были растроганы и восхищены откликом на наших мальчиков с Бейкер-стрит, но на самом деле всего лишь возвращались к Конан Дойлу. Снова и снова, когда у нас возникает проблема, ответ находится у сэра Артура. Взять, к примеру, эту жемчужинку, на которую я случайно наткнулся, перечитывая «Установление личности». Холмс с Ватсоном наблюдают за женщиной, в нерешительности смотрящей на их окна. «– Знакомые симптомы, – сказал Холмс, швыряя в камин окурок. – Нерешительность у дверей всегда свидетельствует о сердечных делах. Она хочет попросить совета, но боится: дело, очевидно, слишком щекотливое. Но и здесь бывают разные оттенки. Если женщину глубоко оскорбили, она уже не колеблется и, как правило, обрывает звонок».

Что может быть безупречнее и прекраснее?!

Проглотив «Приключения», я поддался сумасбродному желанию прочитать все остальные истории и помчался покупать полное собрание рассказов о Шерлоке Холмсе. Конечно, как любит подчеркивать Стивен³, только законченный ботан может вообразить, что, прочитав все рассказы о Шерлоке Холмсе, можно получить знак почета на детской площадке! Я жалею по сей день, что тогда не нашел времени насладиться ими сполна. До сих пор храню ту старую потрепанную книгу и хотя люблю каждую ее пожелтевшую страницу и восторгаюсь мириадами удовольствий за ее пределами, эти первые прочитанные рассказы, «Приключения», остаются моими любимыми.

Итак, цитируя предисловие той книжки спустя столько лет, хотел бы я прочитать эти рассказы впервые. Если раньше вы никогда не перелистывали этих священных страниц, не окунались в мир опиумных притонов и дьявольских отчимов, залитых кровью драгоценных камней и тайных обществ, одержимых мстью, то я вам завидую. Честное слово. Вас ожидают чудесные моменты.

Марк Гэтисс

³ Имеется в виду Стивен Моффат.

Скандал в Богемии

4

I

Для Шерлока Холмса она всегда оставалась «Той Женщиной». Я почти не слышал, чтобы он называл ее как-нибудь иначе. По его мнению, она затмевала и далеко превосходила всех представительниц своего пола. Нельзя сказать, чтобы он испытывал к Ирен Адлер чувство, близкое к любви. Всякие чувства, а тем более это, были ненавистны его холодному, точному и поразительно уравновешенному уму. Мне кажется, он был самой совершенной мыслящей и наблюдающей машиной, какую когда-либо видел мир, но в роли влюбленного ему было бы не по себе. Он говорил о нежных чувствах не иначе как с презрительной усмешкой и с издевкой. Они были великолепным объектом для наблюдения, превосходным средством срывать покровы с человеческих побуждений и поступков. Но допустить вторжение чувства в свой утонченный и великолепно отрегулированный внутренний мир значило бы для изошренного мыслителя внести туда хаос, который бросил бы тень на все достижения его мысли. Песчинка, попавшая в чувствительнейший прибор, или трещина в мощной линзе причинила бы меньше неприятностей такому человеку, как Холмс, нежели страсть. И тем не менее одна женщина для него все-таки существовала, и этой женщиной была покойная Ирен Адлер, особа весьма и весьма сомнительной репутации.

Последнее время я редко виделся с Холмсом: моя женитьба отдалила нас друг от друга. Безоблачного счастья и чисто семейных интересов, которые возникают у человека, когда он впервые становится хозяином в собственном доме, было достаточно, чтобы поглотить все мое внимание. Между тем Холмс, как истый представитель богемы, ненавидевший все формы светской жизни, оставался в нашей квартире на Бейкер-стрит, погребенный среди своих старых книг, чередуя недели увлечения кокаином с приступами честолюбия, дремотное состояние наркомана – с бешеной энергией, присущей его неистовой натуре.

Как и прежде, он был глубоко увлечен разгадкой преступлений. Свои огромные способности и необычайный дар наблюдательности он отдавал выяснению тех тайн, от которых, признав их неразрешимыми, отказалась государственная полиция. Время от времени до меня доходили смутные слухи о его делах: о том, как его вызвали в Одессу в связи с убийством Трепова, о том, что ему удалось пролить свет на загадочную трагедию братьев Аткинсон в Тринкомали, и, наконец, о весьма тонко и успешно выполненном деликатном поручении голландского королевского дома. Однако, помимо этих сведений, которые я так же, как и все читатели, черпал из газет, мне мало что доводилось слышать о прежнем друге и товарище.

Однажды вечером – это было 20 марта 1888 года, – возвращаясь от пациента (я теперь вновь занялся частной практикой), я очутился на Бейкер-стрит. Я проходил мимо знакомой двери, которая навсегда связана в моей памяти с тем временем, когда я был влюблен, и с мрачными событиями «Этюда в багровых тонах», и меня охватило острое желание вновь повидать Холмса, узнать, чем теперь занят его замечательный ум. Окна были ярко освещены, и я даже увидел его высокую, худощавую фигуру, которая дважды темным силуэтом промелькнула на спущенной шторе. Он стремительно шагнул из угла в угол, низко опустив голову и заложив за спину руки. Я знал все привычки моего друга, и потому порывистость его дви-

⁴ © Перевод. Н. Войтинская, наследники, 2009.

жений и весь облик его говорили мне о многом. Шерлок Холмс вновь принялся за работу. Он стряхнул с себя навеянные наркотиками туманные грезы и бился над какой-то новой загадкой. Я позвонил, и меня проводили в комнату, которая когда-то была отчасти и моей.

Он встретил меня без пространных излияний. Он, как всегда, был сдержан, но, по-видимому, обрадовался моему приходу. Почти без слов он приветливым жестом пригласил меня сесть, подвинул ко мне коробку сигар и кивнул на погребец с вином и аппарат для газирования содовой воды в углу. Затем, остановившись у камина, окинул меня своим пронзительным взглядом.

– Семейная жизнь вам на пользу, Уотсон, – заметил он. – Я думаю, вы прибавили семь с половиной фунтов с тех пор, как я вас видел в последний раз.

– Семь! – возразил я.

– Правда? А мне показалось, немного больше. Чутьочку больше, уверяю вас. И снова практикуете, я вижу? Вы не говорили, что собираетесь впрячься в работу.

– Так откуда вы это знаете?

– Смотрю и делаю выводы. Например, откуда я знаю, что вы недавно промокли до нитки и что ваша служанка – большая неряха?

– Дорогой Холмс, – сказал я, – это уж слишком! Несколько веков назад вас непременно сожгли бы на костре. Действительно, в четверг мне пришлось прогуляться за город, и я вернулся домой весь в грязи, но ведь я переменял костюм, и ума не приложу, что вы могли заметить. Что касается Мэри Джейн, она и в самом деле неисправима, и жена уже сделала ей предупреждение. Но я не понимаю, как вы об этом догадались.

Холмс усмехнулся и потер длинные нервные руки.

– Проще простого! – сказал он. – На внутренней стороне вашего левого башмака, как раз там, куда падает свет, видны шесть почти параллельных царапин. Очевидно, кто-то очень небрежно обтирал края подошвы, чтобы удалить засохшую грязь. Отсюда, как видите, я делаю двойной вывод: что вы выходили в дурную погоду и что у вас образчик прескверной лондонской прислуги. А что касается вашей практики... если ко мне в комнату входит джентльмен, пропахший йодоформом, если у него на указательном пальце правой руки черное пятно от ляписа, а сбоку на цилиндре шишка, указывающая, куда он запрятал свой стетоскоп, нужно быть совершенным глупцом, чтобы не признать в нем деятельного представителя врачебного сословия.

Я не мог удержаться от смеха, слушая, с какой легкостью он объяснил мне ход своих мыслей.

– Когда вы рассказываете, – заметил я, – все кажется до того смехотворно простым, что я и сам без труда мог бы сообразить. А между тем в каждом конкретном случае я снова оказываюсь в полнейшем недоумении, пока вы не подскажите какое-то звено в своих рассуждениях. Хотя, должен сказать, глаз у меня острый.

– Совершенно верно, – ответил Холмс, закуривая трубку и вытягиваясь в кресле. – Вы смотрите, но вы не замечаете, а это большая разница. Например, сколько раз вы видели ступеньки, ведущие из прихожей в эту комнату?

– Много.

– Как много?

– Ну, несколько сотен раз.

– Отлично. Сколько же там ступенек?

– Сколько ступенек? Понятия не имею!

– Вот-вот, не заметили. А между тем вы видели! В этом вся суть. Ну а я знаю, что ступенек – семнадцать... Кстати, вы ведь, кажется, интересуетесь всякими загадками и даже были любезны описать кое-что из моих скромных опытов. Может быть, вас заинтересует эта записка?

Он кинул мне листок толстой розовой почтовой бумаги, валявшийся на столе.

– Получена с последней почтой, – сказал он. – Читайте вслух.

Записка была без даты, без подписи и без адреса.

«Сегодня вечером, без четверти восемь, к Вам зайдет господин, который желает посоветоваться по очень важному делу. Услуги, которые Вы оказали недавно одной из королевских фамилий Европы, доказывают, что Вам можно доверять дела чрезвычайной важности. Такой отзыв о Вас мы отовсюду получили. Будьте дома в этот час и не считайте оскорблением, если посетитель будет в маске».

– И в самом деле загадочно, – заметил я. – Как вы думаете, что все это значит?

– У меня пока нет никаких данных. Теоретизировать, не имея данных, – значит совершать грубейшую ошибку. Незаметно для себя человек начинает подгонять факты к своей теории, вместо того чтобы строить теорию на фактах. Ну а сама записка, что вы можете сказать о ней?

Я тщательно изучил почерк и бумагу, на которой была написана записка.

– Человек, который писал это, по-видимому, располагает средствами, – сказал я, пытаясь подражать приемам моего друга. – Такая бумага стоит не меньше полкроны за пачку. Она необычайно крепкая и плотная.

– Необычайно – самое подходящее слово, – заметил Холмс. – И это не английская бумага. Посмотрите на свет.

Я так и сделал и увидел на бумаге водяные знаки: большое «E» и маленькое «g», затем «P» и большое «G» с маленьким «t».

– Что вы можете из этого заключить? – спросил Холмс.

– Это, несомненно, имя фабриканта или, скорее, его монограмма.

– Ничего подобного! Большое «G» с маленьким «t» – это сокращение «Gesellschaft», что по-немецки означает «компания». Это обычное сокращение, как наше «К^о». «P», конечно, означает «Papier», бумага. Расшифруем теперь «Eg». Заглянем в географический справочник Европы... – Он достал с полки тяжелый фолиант в коричневом переплете. – Eglow, Eglonitz... Нам нужна местность, где говорят по-немецки... Вот мы и нашли: Egria, в Богемии, недалеко от Карлсбада. Место смерти Валленштейна, славится многочисленными стекольными заводами и бумажными фабриками. Ха-ха, мой друг, что из этого вытекает? – Глаза его сверкнули торжеством, и он выпустил из своей папиросы большое голубое облако.

– Бумага изготовлена в Богемии, – сказал я.

– Именно. А писал записку немец. Вы заметили характерное построение фразы: «Такой отзыв о Вас мы отовсюду получили»? Француз или русский так не напишет. Только немцы так бесцеремонно обращаются со своими глаголами. Следовательно, остается только узнать, что нужно этому немцу, который пишет на богемской бумаге и предпочитает явиться в маске... А вот и он сам, если не ошибаюсь. Он разрешит все наши сомнения.

Мы услышали стук копыт и скрип колес остановившегося у обочины экипажа. Затем кто-то с силой дернул звонок.

Холмс присвистнул.

– Судя по стуку, парный экипаж... да, – продолжал он, выглянув в окно, – изящная маленькая карета и пара рысаков... по сто пятьдесят гиней. Так или иначе, но это дело пахнет деньгами, Уотсон.

– Может, мне лучше уйти, Холмс?

– Нет, нет, оставайтесь, доктор! Что я стану делать без моего Босуэлла⁵? Дело обещает быть интересным. Жаль, если вы его пропустите...

⁵ Босуэлл, Джеймс (1740–1795) – биограф английского писателя, критика и лексикографа Сэмюэля Джонсона (1709–

– Но ваш клиент...

– Ничего, ничего. Мне может понадобиться ваша помощь, и ему тоже... Вот он. Садитесь в это кресло, доктор, и внимательно наблюдайте.

Медленные, тяжелые шаги, которые слышались на лестнице и в коридоре, затихли перед самой нашей дверью.

Кто-то громко и внятно постучал.

– Войдите! – сказал Холмс.

Вошел человек геркулесова сложения, не меньше шести футов и шести дюймов ростом. Одет он был роскошно, но эту роскошь в Англии сочли бы дурным вкусом. Рукава и отвороты его двубортного пальто были оторочены толстыми полосами каракуля; темно-синий плащ, накинутый на плечи, подбит огненно-красным шелком и застегнут у шеи пряжкой из сверкающего берилла. Сапоги, доходящие до икр и обшитые сверху дорогим коричневым мехом, дополняли впечатление какой-то варварской пышности. В руке он держал широкополю шляпу, а верхнюю часть лица закрывала черная маска, опускавшаяся ниже скул. Посетитель, очевидно, только что надел маску, потому что рука его была еще поднята. Судя по нижней части лица, это был человек сильной воли: толстая выпяченная губа и длинный прямой подбородок говорили о решительности, граничащей с упрямством.

– Вы получили мою записку? – спросил он низким, хриплым голосом; в речи его слышался сильный немецкий акцент. – Я сообщал, что приеду к вам. – Он переводил взгляд с одного из нас на другого, видимо, не зная, к кому обратиться.

– Садитесь, пожалуйста, – сказал Холмс. – Это мой друг и коллега, доктор Уотсон, он иногда любезно помогает мне в моей работе. С кем имею честь говорить?

– Можете называть меня графом фон Крамм, богемским дворянином. Полагаю, что этот джентльмен, ваш друг, – человек чести, достойный полного доверия, и я могу посвятить его в дело чрезвычайной важности? В противном случае я предпочел бы беседовать с вами наедине.

Я встал, чтобы уйти, но Холмс схватил меня за руку и усадил обратно в кресло.

– Нет, мы оба выслушаем вас. В присутствии этого джентльмена вы можете говорить все, что сказали бы мне с глазу на глаз.

Граф пожал плечами.

– Хорошо! Прежде всего я должен взять с вас обоих слово, что дело, о котором я вам сейчас расскажу, останется в тайне два года. По прошествии двух лет оно никого не будет интересовать. В настоящее время, однако, можно без преувеличений сказать: эта история настолько серьезна, что может отразиться на судьбах Европы.

– Даю слово, – сказал Холмс.

– И я тоже.

– Простите, что я в маске, – продолжал странный посетитель. – Августейшее лицо, на службе у которого я состою, пожелало, чтобы его доверенный остался неизвестным. Я должен признаться, что титул, который я назвал, не совсем соответствует действительности.

– Это я заметил, – сухо сказал Холмс.

– Обстоятельства весьма щекотливы, и необходимо принять все меры, чтобы предотвратить огромный скандал, который может скомпрометировать одну из царствующих династий Европы. Говоря проще, дело связано с домом Ормштейнов, наследных королей Богемии.

1784). Имя его стало в английском языке нарицательным для обозначения биографа, регистрирующего каждую подробность в жизни своего героя.

– Так я и думал, – пробормотал Холмс, поудобнее располагаясь в кресле и закрывая глаза.

Посетитель с явным удивлением посмотрел на лениво развалившегося человека, которого ему рекомендовали как самого пронизательного и энергичного сыщика в Европе. Холмс медленно приоткрыл глаза и нетерпеливо посмотрел на своего великана-клиента.

– Если бы ваше величество соблаговолили изложить дело, мне было бы легче дать вам совет.

Посетитель вскочил со стула и в сильном возбуждении принялся шагать по комнате. Затем с жестом отчаяния он сорвал с лица маску и швырнул ее на пол.

– Вы правы, – воскликнул он, – я король! Зачем скрывать?

– Действительно, зачем? Ваше величество еще не начали говорить, как я уже знал, что передо мной Вильгельм Готтсрейх Сигизмунд фон Ормштейн, великий князь Кассель-Фельштейнский и наследный король Богемии.

– Но вы понимаете... вы понимаете, что я не привык лично заниматься такими делами! – сказал наш посетитель, снова усевшись и проводя рукой по высокому белому лбу. – Однако вопрос настолько щекотлив, что я не мог доверить его никому, не рискуя оказаться в чьей-то власти. Я приехал из Праги инкогнито специально затем, чтобы посоветоваться с вами.

– Прошу вас, – сказал Холмс, снова закрывая глаза.

– Факты вкратце таковы: лет пять назад, во время продолжительного пребывания в Варшаве, я познакомился с известной авантюристкой Ирен Адлер. Это имя вам, наверное, знакомо?

– Будьте любезны, доктор, посмотрите в моей картотеке, – пробормотал Холмс, не открывая глаз.

Много лет назад он взял за правило регистрировать разные факты, касавшиеся людей и событий, так что трудно было назвать лицо или факт, о которых он не мог бы сразу дать сведения. Биографию Ирен Адлер я обнаружил между биографией еврейского раввина и биографией капитана, написавшего труд о глубоководных рыбах.

– Покажите-ка, – сказал Холмс. – Гм! Родилась в Нью-Джерси в 1858 году. Контральто, гм... «Ла Скала», так-так!.. Примадонна императорской оперы в Варшаве... Покинула сцену, ха! Проживает в Лондоне – совершенно верно! Ваше величество, насколько я понимаю, вы попали в сети к этой молодой особе, переписывались с ней и теперь желали бы вернуть эти письма, которые могут вас скомпрометировать.

– Совершенно верно. Но каким образом...

– Вы тайно обвенчались с ней?

– Нет.

– Оставили какие-нибудь документы или свидетельства?

– Ничего.

– В таком случае я не понимаю, ваше величество. Если эта женщина захочет воспользоваться письмами для шантажа или каких-нибудь других целей, как она докажет их подлинность?

– Но мой почерк...

– Пустяки! Почерк легко подделать.

– А почтовая бумага с моим именем?

– Украдена.

– Моя личная печать...

– Снова подделка.

– Моя фотография...

– Куплена.

- Но мы сфотографированы вместе!
- О-о, вот это действительно плохо! Ваше величество допустили большую оплошность.
- Я был без ума от нее.
- Да, фотография – это серьезно.
- Тогда я был кронпринцем. Я был совсем молод. Мне и теперь только тридцать.
- Фотографию необходимо во что бы то ни стало вернуть.
- Мы пытались, но нам не удалось.
- Да, придется расплачиваться. Надо купить фотографию.
- Она не желает ее продавать.
- Тогда ее надо выкрасть.
- Было сделано пять попыток. Я дважды нанимал взломщиков, и они перерыли у нее весь дом. Когда она путешествовала, мы обыскали ее багаж. Дважды пытались заманить ее в ловушку... Никаких результатов.
- Никаких следов?
- Абсолютно никаких.
- Холмс усмехнулся:
- Любопытная задачка!
- Но для меня это очень серьезно! – с упреком возразил король.
- Еще бы! А для чего ей нужна фотография?
- Чтобы погубить меня.
- Но каким образом?
- Я собираюсь жениться...
- Об этом я слышал.
- ...на Клотильде Лотман фон Саксе-Менинген, второй дочери скандинавского короля. Быть может, вам известно, что эта семья строгих правил. Сама Клотильда – воплощенная чистота. Малейшая тень сомнения относительно моего прошлого повела бы к разрыву.
- А Ирен Адлер?
- Она грозитя послать им фотографию. И она непременно это сделает! У нее железный характер. Да-да, лицо обаятельнейшей женщины, а душа – как у самого твердого мужчины. Она ни перед чем не остановится, лишь бы не дать мне жениться на другой.
- Вы уверены, что она еще не отослала фотографию?
- Уверен.
- Почему?
- Она сказала, что пошлет фотографию в тот день, когда будет объявлено о помолвке. А это намечено на ближайший понедельник.
- О, у нас впереди целых три дня! – зевнул Холмс. – Вам повезло, потому что сейчас мне надо заняться кое-какими неотложными делами. Вы, конечно, останетесь пока в Лондоне?
- Конечно. Меня можно найти в гостинице «Лэнгхэм». Я остановился под именем графа фон Крамма.
- Я дам вам знать, как подвигается дело.
- Очень прошу вас. Я так волнуюсь!
- А как насчет денег?
- Тратьте, сколько сочтете нужным.
- Без ограничений?
- Я готов отдать за эту фотографию любую провинцию моего королевства!
- А на текущие расходы?
- Король достал из-под плаща тяжелый замшевый кошелек и положил его на стол.

– Здесь триста фунтов золотом и семьсот ассигнациями.

Холмс написал расписку на страничке своей записной книжки и вручил королю.

– Адрес мадемуазель? – спросил он.

– Брайени-Лодж, Серпентайн-авеню, Сент-Джонсвул.

Холмс записал.

– Еще один вопрос: фотография была кабинетного формата?

– Да.

– А теперь доброй ночи, ваше величество, я надеюсь, что вы скоро услышите хорошие вести... Доброй ночи, Уотсон, – добавил он, когда колеса королевского экипажа застучали по мостовой. – Если вы будете любезны зайти завтра в три часа, я охотно потолкую с вами об этом деле.

II

Ровно в три часа я был на Бейкер-стрит, но Холмс еще не вернулся. Экономка сообщила мне, что он вышел из дому в начале девятого. Я уселся у камина с твердым намерением дожидаться его во что бы то ни стало. Меня глубоко заинтересовало, как он поведет дело, ибо своеобразие случая и высокое положение клиента придавали ему необычный характер, хотя тут не было причудливости и мрачности, присущих двум преступлениям, о которых я рассказал в другом месте. Если даже оставить в стороне самое содержание расследования, которое проводил мой друг, – с каким мастерством он сразу овладел ситуацией и какая строгая, неопровержимая логика была в его умозаключениях! Мне доставляло истинное удовольствие наблюдать, какими быстрыми, тонкими приемами он распутывал самые непостижимые загадки. Я привык к его неизменному успеху. Мне и в голову не могло прийти, что он может потерпеть неудачу.

Около четырех часов дверь отворилась, и в комнату вошел подвыпивший человек, по внешности конюх – с всклокоченными волосами и бакенбардами, с распухшей красной физиономией, в бедной грязной одежде. Как ни привык я к удивительной способности моего друга менять свой облик, мне пришлось пристальнейшим образом взглядеться, прежде чем я удостоверился, что это действительно Холмс. Кивнув мне на ходу, он исчез в своей спальне, откуда появился через пять минут в твидовом костюме, корректный, как всегда. Заложив руки в карманы, он вытянул ноги перед пылающим камином и несколько минут от души смеялся.

– Ну и потеха! – воскликнул он, затем закашлялся и снова расхохотался, да так, что под конец в полном изнеможении откинулся на спинку кресла.

– В чем дело?

– Смешно, невероятно смешно! Уверен, что вам никогда не угадать, как я провел это утро и что я в конце концов сделал.

– И представить себе не могу. Полагаю, что изучали образ жизни, а быть может, и дом мисс Ирен Адлер.

– Совершенно верно, но результат довольно неожиданный. Однако расскажу по порядку. В начале девятого я вышел из дому под видом безработного грума. Знаете, существует удивительная взаимная симпатия, своего рода братство между всеми, кто имеет дело с лошадьми. Станьте грумом, и вы узнаете все, что вам надо. Я быстро нашел Брайени-Лодж. Это изящная двухэтажная вилла, стоит она у самой улицы, позади нее сад. На садовой калитке массивный замок. В правой части дома – большая, хорошо обставленная гостиная с высокими окнами, почти до полу, а на окнах нелепые английские задвижки, которые откроет любой ребенок. За домом ничего особенного, кроме того, что с крыши каретного сарая можно попасть в окно галереи. Я внимательно осмотрел дом, но больше ничего инте-

ресного не заметил. Затем я пошел по улице и в переулке за садовой оградой обнаружил, как и ожидал, извозничий двор. Я помог конюхам почистить лошадей и получил за это два пенса, стакан портера пополам с элем, две щепотки табаку и вдоволь сведений о мисс Адлер и о нескольких других людях, живущих по соседству. Другие меня нисколько не интересовали, но я был вынужден выслушать их биографии.

– Что же вы узнали об Ирен Адлер? – спросил я.

– Что она вскружила голову всем мужчинам в квартале и что вообще она самый лакомый кусочек на нашей планете. Так в один голос утверждают серпентайнские конюхи. Живет она тихо, выступает в концертах, ежедневно в пять часов дня выезжает на прогулку и ровно в семь возвращается к обеду. В другое время почти всегда дома, кроме тех случаев, когда поет. Навещает ее только один мужчина, зато часто. Брюнет, красавец, прекрасно одевается, бывает у нее ежедневно, а порой и по два раза в день. Это некий мистер Годфри Нортон из Иннер-Темпла⁶. Видите, как выгодно пользоваться доверием кучеров! Они раз двадцать возили его домой от серпентайнских конюшен и знают о нем решительно все. Выслушав их, я снова прошелся взад-вперед вблизи Брайени-Лодж, обдумывая план кампании.

Годфри Нортон, очевидно, играет важную роль во всей этой истории. Он адвокат. Это кое-что да значит. Что связывает их и зачем он часто бывает у нее? Кто она – его клиентка, друг, возлюбленная? Если клиентка, то, вероятно, отдала фотографию ему на хранение. Если же возлюбленная – едва ли. От решения этого вопроса зависело, продолжать ли мне работу в Брайени-Лодж или обратить внимание на контору этого джентльмена в Темпле. Это важное обстоятельство расширяло область моих изысканий... Боюсь, Уотсон, что вам наскучили подробности и сомнения, но иначе не понять ситуацию.

– Я внимательно слежу за вашим рассказом, – ответил я.

– Я все еще взвешивал в уме это дело, как вдруг к Брайени-Лодж подкатила двуколка, и из нее выскочил какой-то джентльмен, необычайно красивый, смуглый, с орлиным носом и с усами. Очевидно, это и был тот субъект, о котором я слышал. Он очень спешил. Приказав кучеру ждать, он пробежал мимо горничной, открывшей ему дверь; чувствовалось, что здесь он – как дома. Он пробыл там около получаса, и мне было видно через окно гостиной, как он ходит взад и вперед по комнате, возбужденно толкуя о чем-то и размахивая руками. Ее я не видел. Но вот он вышел на улицу, еще более взволнованный, чем прежде. Подойдя к экипажу, он вынул из кармана золотые часы и озабоченно посмотрел на них. «Гоните что есть духу! – крикнул он кучеру. – Сначала к Гроссу и Хенке на Риджент-стрит, а затем к церкви Святой Моники на Эджуэр-роуд. Полгинеи, если довезете за двадцать минут!»

Двуколка понеслась, и я как раз соображал, не последовать ли мне за ней, как вдруг к дому подкатило прелестное маленькое ландо. Пальто у кучера было застегнуто только наполовину, галстук торчал где-то сбоку, а ремни сбруи не были вдеты в пряжки. Он подъехал к дому, и в ту же минуту Ирен выпорхнула из дверей и вскочила в ландо. Я видел ее лишь одно мгновение, но и этого было довольно: очаровательная женщина, за такое личико мужчина способен отдать жизнь. «Церковь Святой Моники, Джон! – крикнула она. – Полсоверена, если доедете за двадцать минут!»

Такого случая, Уотсон, нельзя было упустить. Я колебался: бежать следом или прыгнуть на запятки, но тут, к счастью, на улице показался кеб. Кучер с сомнением оглядел неказистого седока, но я вскочил прежде, чем он успел что-либо возразить. «Церковь Святой Моники, – сказал я, – и полсоверена, если довезете за двадцать минут!» Было как раз без двадцати пяти двенадцать, и я, конечно, догадался в чем дело.

⁶ Иннер-Темпл – одна из четырех английских юридических корпораций, готовящих адвокатов. Помещается в Темпле – здании, до 1313 года принадлежавшем ордену тамплиеров и получившем от этого свое название.

Мой кеб мчался стрелой. Я думаю, что ни разу не ехал так быстро, но, когда мы были на месте, двуколка и ландо со взмыленными лошадьми стояли у входа в церковь. Рассчитавшись с кучером, я взбежал по ступеням. В церкви не было ни души, кроме тех, за кем я следовал, да священника в облачении, который, по-видимому, в чем-то их упрекал. Все трое стояли у алтаря. Я стал бродить по боковому приделу, как будто случайно зашел в церковь. Внезапно, к моему изумлению, все трое обернулись в мою сторону, и Годфри Нортон со всех ног бросился ко мне.

«Слава Богу! – вскричал он. – Вас-то нам и нужно. Идемте! Идемте!»

«В чем дело?» – спросил я.

«Идемте, идемте, осталось всего три минуты! Иначе все будет незаконно».

Меня чуть не силой потащили к алтарю, и, не успев опомниться, я уже бормотал ответы, которые мне шептали на ухо, клялся в том, чего совершенно не знал, и вообще принимал участие в бракосочетании Ирен Адлер, девицы, с Годфри Нортоном, холостяком.

Все совершилось в одну минуту, и вот уже, с одной стороны, меня благодарит джентльмен, с другой – леди, а священник, стоящий передо мной, просто сияет. Нелепое положение, в таком я еще не оказывался! Вот подумал о нем сейчас и расхохотался. По-видимому, у них не были выполнены какие-то формальности, и священник наотрез отказался совершить обряд бракосочетания без свидетеля. Мое появление избавило жениха от необходимости бежать на улицу в поисках первого встречного. Невеста подарила мне соверен, и я собираюсь носить эту монету на цепочке от часов в память об этом событии.

– Дело приняло неожиданный оборот, – сказал я. – Что же дальше?

– Я понял, что мои планы могут сорваться. Похоже было на то, что молодожены собираются немедленно уехать, и мне необходимо было принять самые срочные и энергичные меры. Однако в дверях церкви они расстались: он отправился в Темпл, она – к себе домой. «Я поеду в парк, как всегда, в пять часов», – сказала она, прощаясь. Больше я ничего не слышал. Они разъехались в разные стороны, а я вернулся, чтобы заняться своим делом.

– В чем оно заключается?

– Немного холодного мяса и стакан пива, – ответил Холмс, дергая колокольчик. – Я был слишком занят, не успел поесть, а сегодня вечером хлопот будет еще больше. Кстати, доктор, мне понадобится ваше содействие.

– Буду очень рад.

– Вы не будете возражать, если нам придется преступить закон?

– Ни в малейшей степени.

– И вас не пугает опасность ареста?

– Ради доброго дела я готов и на это.

– Великолепно!

– Я к вашим услугам.

– Я был уверен, что могу на вас положиться.

– Но что вы задумали?

– Когда миссис Тернер принесет ужин, я вам все объясню... Я должен кое-что обсудить с вами, – сказал он, с аппетитом принимаясь за скромную пищу, приготовленную нашей экономкой. – Времени у нас очень мало. Сейчас около пяти часов. Через два часа мы должны быть на месте. Мисс Ирен, вернее, миссис Нортон, возвращается со своей прогулки в семь часов. К тому времени мы должны быть у Брайени-Лодж, чтобы встретить ее возле дома.

– И что дальше?

– Остальное предоставьте мне. Я уже все подготовил. Я настаиваю только на одном: что бы ни случилось, не вмешивайтесь. Понимаете?

– Я должен сделать вид, будто я посторонний?

– Вот именно. Ничего не предпринимайте. Вероятно, возникнет какая-нибудь неприятность. Не вмешивайтесь. Кончится тем, что меня проводят в дом. Минут через пять в гостиной откроется окно. Подойдите поближе к окну.

– Хорошо.

– Вы должны наблюдать за мной, я буду у вас на виду.

– Хорошо.

– Когда я подниму руку – вот так, вы бросите в окно то, что я вам сейчас дам, и начнете кричать: «Пожар!» Вы меня поняли?

– Вполне.

– Тут нет ничего опасного, – сказал он, вынимая из кармана сверток в форме сигары. – Это обыкновенная дымовая шашка, из тех, что употребляют паяльщики, снабженная с обоих концов капсюлями для самовоспламенения. Итак, вам предстоит сделать следующее: закричать «Пожар!», а когда ваш крик подхватят, дойти до конца улицы, а я догоню вас через десять минут. Надеюсь, вы поняли?

– Я должен сделать вид, будто я посторонний, затем подойти поближе к окну, наблюдать за вами и по сигналу бросить в окно этот предмет, потом поднять крик о пожаре и ожидать вас на углу.

– Совершенно верно.

– Можете на меня положиться.

– Отлично. Ну что ж, пожалуй, пора готовиться к новой роли, которую мне предстоит сыграть.

Он скрылся в спальне, и через несколько минут ко мне вышел симпатичный, простоватый священник в широкополой черной шляпе, мешковатых брюках, с белым галстуком. Такую приятную улыбку и общее выражение благожелательного любопытства мог воспроизвести, пожалуй, только Джон Хэйр⁷. И дело не в том, что Холмс переменил костюм. Выражение его лица, манеры, даже душа, казалось, менялись при каждой новой роли, которую ему приходилось играть. Когда он стал специалистом по криминалистике, сцена потеряла прекрасного актера, а наука – тонкого мыслителя.

В четверть седьмого мы вышли из дому, и когда мы оказались на Серпентайн-авеню, до назначенного часа оставалось десять минут. Уже смеркалось, на улице зажгли фонари, и мы принялись расхаживать у Брайени-Лодж, поджидая возвращения его хозяйки. Дом был точно такой, каким я его себе представлял по краткому описанию Шерлока Холмса, но квартал против ожидания оказался далеко не безлюдным. На этой маленькой тихой улице было очень оживленно. На одном углу курили и смеялись какие-то оборванцы, неподалеку стоял точильщик со своим колесом, два гвардейца флиртовали с нянькой, и несколько хорошо одетых молодых людей прохаживались взад-вперед с сигарами во рту.

– Видите ли, эта свадьба значительно упрощает дело, – заметил Холмс, пока мы вышагивали перед домом. – Теперь фотография становится обоюдоострым оружием. Возможно, Ирен в равной степени не хочет, чтобы фотографию видел мистер Годфри Нортон, как наш клиент не хочет, чтобы она попала на глаза его принцессе. Вопрос в том, где нам найти фотографию?

– Ума не приложу.

– Вряд ли Ирен держит ее при себе. Карточка кабинетного формата, и спрятать ее в платье нелегко. Кроме того, Ирен знает, что король способен устроить ей западню. Это уже пытались сделать дважды. Значит, мы можем быть уверены, что с собой она фотографию не носит.

– Где же тогда она ее хранит?

⁷ Хэйр, сэр Джон – английский актер второй половины XIX века.

– У своего банкира или у своего адвоката. Возможно и то и другое, но я сомневаюсь и в том и в другом. Женщины по природе скрытны и сами хранят свои секреты. Зачем ей посвящать в тайну кого-нибудь другого? На себя она может положиться, а где гарантия, что какой-нибудь доверенный устоит перед политическим или иным влиянием? Кроме того, не забудьте, что она хотела пустить в ход фотографию в ближайшие дни. Для этого нужно иметь ее под рукой. Фотография у нее дома.

– Но взломщики два раза перерыли весь дом.

– Чепуха! Они не умеют искать.

– А как вы будете искать?

– Вообще не буду.

– А как же иначе?

– Она сама покажет, где фотография.

– Она откажется.

– Это ей не удастся. Погодите, я слышу стук колес. Это ее экипаж. Теперь в точности выполняйте мои указания.

Из-за угла показались фонари кареты, и нарядное маленькое ландо подкатило к дверям Брайени-Лодж. Когда экипаж остановился, один из бродяг, стоявших на углу, бросился было открыть дверцы в надежде заработать медяк, но его оттолкнул другой бродяга, подбежавший с тем же намерением. Завязалась жестокая драка. Масла в огонь подлили гвардейцы, взяв сторону одного из бродяг, и точильщик, который с такой же горячностью принялся защищать другого. В одно мгновение дама, вышедшая из экипажа, оказалась посреди разгоряченных, дерущихся людей, которые яростно тузили друг друга кулаками и палками. Холмс бросился в толпу, чтобы охранять даму, но, пробившись к ней, вдруг испустил крик и упал с залитым кровью лицом. Солдаты тут же бросились бежать в одну сторону, оборванцы – в другую, зато подбежало несколько прохожих более приличного вида, не принимавших участия в потасовке, чтобы защитить даму и оказать помощь раненому. Ирен Адлер – я буду по-прежнему называть ее так – взбежала по ступенькам, но на площадке обернулась; на фоне освещенной прихожей была видна ее великолепная фигура.

– Бедный джентльмен сильно ранен? – спросила она.

– Он умер, – раздался голоса.

– Нет, нет, он еще жив! – крикнул кто-то. – Но он умрет, если везти его в больницу.

– Он храбрый малый! – сказала какая-то женщина. – Если бы не он, они отобрали бы у дамы кошелек и часы. Их тут целая шайка... Смотрите, он дышит!

– Неужели оставить его на улице?.. Вы позволите перенести его в дом, сударыня?

– Конечно! Перенесите его в гостиную. Там удобный диван. Сюда, пожалуйста!

Медленно и торжественно Холмса внесли в Брайени-Лодж и уложили в гостиной, а я принялся наблюдать за происходящим со своего поста у окна. Лампы были зажжены, но шторы еще не опускали, так что я мог видеть лежащего на диване Холмса. Не знаю, почувствовал ли он угрызения совести, играя свою роль, но я ни разу в жизни не испытывал более глубокого стыда, чем в те минуты, когда эта прелестная женщина, в заговоре против которой я участвовал, с такой добротой и состраданием ухаживала за раненым. И все же отступить – значит самым низким образом изменить Холмсу. Скрепя сердце я достал из-под пальто дымовую шашку. «В конце концов, – подумал я, – мы не причиним ей никакого вреда, мы только помешаем ей причинить вред другому человеку».

Холмс приподнялся на диване и стал корчиться, как человек, которому не хватает воздуха. Служанка бросилась открывать окно. В то же мгновение Холмс поднял руку; по этому сигналу я бросил в комнату шашку и крикнул: «Пожар!» Едва это слово слетело с моих уст, как его подхватила вся толпа. Оборванцы и джентльмены, конюхи и служанки – все в один голос завопили: «Пожар!» Густые облака дыма клубились в комнате и вырывались через

открытое окно. Я видел, как там, внутри, мечутся люди; минутой позже послышался голос Холмса, уверявшего, что это ложная тревога.

Протиснувшись сквозь толпу, я добрался до угла улицы. Через десять минут меня догнал Холмс, взял под руку, и мы покинули место бурных событий. Он шел быстрым шагом и не проронил ни слова, пока мы не свернули в одну из тихих улиц, ведущих на Эджуэр-роуд.

– Вы это ловко проделали, доктор, – заметил Холмс. – Как нельзя лучше. Все в порядке.

– Вы добыли фотографию?

– Нет, но я знаю, где она спрятана.

– А как вы это узнали?

– Она сама мне показала, как я и предсказывал.

– Я ничего не понимаю.

– А я не собираюсь делать из этого тайны, – сказал он смеясь. – Все очень просто.

Вы, наверное, догадались, что все эти зеваки на улице – мои сообщники. Я нанял их на вечер.

– Догадался.

– В руке у меня было немного красной краски. Когда началась свалка, я бросился вперед, упал, прижал руку к лицу и предстал в плачевном виде. Старый прием.

– Это я тоже понял.

– Они вносят меня в дом. Она вынуждена согласиться – что ей остается делать? Я попадаю в гостиную, в ту самую комнату, которая у меня на подозрении. Фотография где-то поблизости, либо в гостиной, либо в спальне – я и решил это выяснить. Меня укладывают на кушетку, я притворяюсь, что мне не хватает воздуха, они вынуждены открыть окно, и вы получаете возможность сделать свое дело.

– А чего вы этим добились?

– Очень многого. Когда в доме пожар, инстинкт заставляет женщину спасти то, что ей всего дороже. Чрезвычайно сильное побуждение, я не раз извлекал из него пользу, например, в дарлингтоновском скандале и в деле с Арнсвортским замком. Замужняя женщина бросается к ребенку, незамужняя хватается шкатулку с драгоценностями. Мне было ясно, что для нашей леди нет ничего дороже фотографии. Она бросится спасти именно ее. Пожар был отлично разыгран. Дыма и крика было достаточно, тут бы и стальные нервы дрогнули. Она поступила именно так, как я ожидал. Фотография находится в тайнике, за выдвижной панелью, как раз над шнурком от звонка. Она мгновенно очутилась там и наполовину вытащила фотографию – я даже увидел краешек. Когда же я крикнул, что тревога ложная, она положила фотографию обратно, мельком взглянула на шашку и выбежала из комнаты. Больше я ее не видел. Я встал и, извинившись, выскользнул из дома. Мне хотелось взять фотографию, но в комнату вошел кучер и стал следить за мной, так что поневоле пришлось отложить это до другого раза. Излишняя поспешность может погубить все.

– Ну а дальше? – спросил я.

– Практически наши розыски закончены. Завтра мы вместе с королем и с вами, если вы пожелаете нас сопровождать, нанесем Ирен Адлер визит. Нас попросят подождать в гостиной, но весьма вероятно, что, выйдя к нам, она не найдет ни нас, ни фотографии. Я думаю, что его величеству будет приятно взять фотографию собственными руками.

– Когда вы намерены туда отправиться?

– В восемь часов утра. Она еще будет в постели, так что мы сможем действовать свободно. Кроме того, нельзя терять времени, потому что замужество может совершенно изменить ее образ жизни и планы. Я должен немедленно послать телеграмму королю.

Мы дошли до Бейкер-стрит и остановились у дверей. Холмс шарил в карманах, ища ключ, и в эту минуту кто-то из прохожих сказал:

– Доброй ночи, мистер Шерлок Холмс!

На панели в это время было несколько человек, но приветствие, по-видимому, исходило от пробежавшего мимо стройного юноши в длинном пальто.

– Где-то я слышал этот голос, – сказал Холмс, оглядывая скудно освещенную улицу, – но никак не припомню, черт возьми, кто бы это мог быть.

III

В эту ночь я ночевал на Бейкер-стрит. Утром мы сидели за кофе с гренками, когда в комнату ворвался король Богемии.

– Вы действительно добыли фотографию? – воскликнул он, хватая Шерлока Холмса за плечи и нетерпеливо заглядывая ему в лицо.

– Нет еще.

– Но у вас есть надежда?

– Есть.

– В таком случае едем! Я сгораю от нетерпения.

– Нам нужен кеб.

– Мой экипаж у дверей.

– Это упрощает дело.

Мы сошли вниз и снова направились к Брайени-Лодж.

– Ирен Адлер вышла замуж, – заметил Холмс.

– Замуж? Когда?

– Вчера.

– За кого?

– За английского адвоката по имени Нортон.

– Но она, конечно, не любит его?

– Надеюсь, что любит.

– Не понимаю.

– Потому что это избавит ваше величество от возможных неприятностей. Если эта дама любит своего мужа, значит, она не любит ваше величество. Если она не любит ваше величество, у нее нет оснований мешать планам вашего величества.

– Верно. И все же... О, как бы я хотел, чтобы она была королевской крови! Какая бы это была королева!

Он вновь погрузился в угрюмую задумчивость и молчал, пока мы не выехали на Серпентайн-авеню.

Двери Брайени-Лодж были открыты, и на лестнице стояла пожилая женщина. Она с усмешкой наблюдала, как мы выходили из экипажа.

– Мистер Шерлок Холмс? – спросила она.

– Да, я Шерлок Холмс, – ответил мой друг, окинув ее вопрошающим и удивленным взглядом.

– Так и есть! Моя хозяйка предупредила меня, что вы, вероятно, зайдете. Сегодня утром в пять часов пятнадцать минут она уехала со своим мужем с вокзала Чаринг-Кросс. Она едет на континент.

– Что?! – Шерлок Холмс отшатнулся, побледнев от огорчения и неожиданности. – Вы хотите сказать, что она покинула Англию?

– Навсегда.

– А бумаги? – хрипло спросил король. – Неужели все погибло?

– Посмотрим! – Холмс прошел мимо служанки и поспешил в гостиную. Мы с королем следовали за ним. Мебель в комнате была в полнейшем беспорядке, – пустые полки, раскрытые ящики – видно, хозяйка второпях рылась в них перед отъездом.

Холмс бросился к звонку, отодвинул маленькую выдвижную панель и, засунув в тайник руку, вытащил фотографию и письмо. Это была фотография Ирен Адлер в вечернем платье, а на письме была надпись: «Мистеру Шерлоку Холмсу, эсквайру».

Мой друг разорвал конверт, и мы принялись читать письмо, датированное минувшей ночью:

«Дорогой мистер Шерлок Холмс, Вы действительно великолепно все это разыграли и обвели меня вокруг пальца. До пожарной тревоги у меня не было никаких подозрений. Но затем, когда я поняла, что сама себя выдала, я задумалась. Должна признаться, еще несколько месяцев назад меня предупредили, что король обратится к Вам, если решит пригласить сыщика. Мне дали Ваш адрес. И все же Вы застали меня врасплох и узнали все, что хотели узнать. Несмотря на мои подозрения, как я могла подумать, что Вы явитесь в облике милого старого священника? Но Вы знаете, я сама была актрисой и привыкла носить мужской костюм. Я часто пользуюсь той свободой, которую он дает. Так вот, я приказала кучеру Джону следить за Вами, а сама побежала наверх, надела костюм для прогулок, как я его называю, и спустилась вниз как раз в тот момент, когда Вы уходили.

Я следовала за Вами до Вашего дома и убедилась, что мной действительно интересуется знаменитый Шерлок Холмс. Затем я довольно неосторожно пожелала Вам доброй ночи и поехала в Темпл к мужу.

*Мы с ним решили, что, если нас преследует такой сильный противник, лучшее спасение – бегство. Поэтому, явившись завтра, Вы найдете гнездо опустевшим. Что касается фотографии, то Ваш клиент может быть спокоен: я люблю и любима человеком благороднее его. Король может поступать, как ему угодно, без помехи со стороны той, кому он причинил столько зла. Я сохраню фотографию только ради своей безопасности, чтобы иметь оружие, которое защитит меня от возможных притязаний короля. Я оставляю взамен другую фотографию, которую ему, быть может, приятно будет сохранить, и остаюсь, дорогой мистер Шерлок Холмс, преданной Вам
Ирен Нортон, урожденной Адлер».*

– Что за женщина, что за женщина! – воскликнул король Богемии, когда мы прочитали это послание. – Разве я не говорил, как она находчива, умна и предприимчива? Разве она не была бы восхитительной королевой? Как жаль, что она не ровня мне.

– Насколько я успел узнать эту даму, мне кажется, она действительно не ровня вашему величеству, – холодно заметил Холмс. – Я сожалею, что не смог довести дело вашего величества до более удачного завершения.

– Напротив, милостивый государь! – воскликнул король. – Большой удачи трудно было ожидать. Я знаю, что ее слово нерушимо. Мне теперь ничто не грозит, фотография словно бы сгорела.

– Я рад слышать это.

– Я бесконечно обязан вам. Как мне вознаградить вас? Может быть, это кольцо... Он снял с пальца изумрудное кольцо и протянул его на ладони Холмсу.

– У вашего величества есть нечто более ценное для меня, – сказал Холмс.

– Вам стоит только назвать...

– Эта фотография.

Король посмотрел на него с изумлением.

– Фотография Ирен?! – воскликнул он. – Разумеется, если вам угодно.

– Благодарю, ваше величество. В таком случае с этим делом покончено. Честь имею пожелать вам всего наилучшего.

Холмс поклонился и, не замечая протянутой ему руки, вместе со мной отправился домой.

Вот рассказ о том, как в королевстве Богемии чуть было не разразился скандал и как изобретательные планы мистера Шерлока Холмса были расстроены женской проницательностью. Холмс вечно подтрунивал над женским умом, но за последнее время я не слышал его шуток на этот счет. И когда он вдруг заговаривает об Ирен Адлер или о ее фотографии, то неизменно произносит почетный титул: «Та Женщина».

Союз рыжих

8

Как-то осенью прошлого года я зашел на минутку к моему приятелю, мистеру Шерлоку Холмсу. У него сидел какой-то пожилой джентльмен, очень полный, огненно-рыжий. Я хотел войти, но увидел, что оба они увлечены разговором, и решил удалиться. Однако Холмс втащил меня в комнату и закрыл за мной дверь.

– Вы пришли как нельзя более кстати, мой дорогой Уотсон, – приветливо проговорил он.

– Я боялся вам помешать. Мне показалось, что вы заняты.

– Да, я занят. И даже очень.

– Не лучше ли мне подождать в другой комнате?

– Нет, нет... Мистер Уилсон, – сказал он, обращаясь к толстяку, – этот джентльмен не раз оказывал мне дружескую помощь во многих моих наиболее удачных исследованиях. Не сомневаюсь, что и в вашем деле он будет мне очень полезен.

Толстяк привстал со стула и кивнул мне; его маленькие, заплывшие жиром глазки пытливо оглядели меня.

– Садитесь сюда, на диван, – сказал Холмс.

Он опустился в кресло и, как всегда в минуты задумчивости, сложил концы пальцев обеих рук вместе.

– Я знаю, мой дорогой Уотсон, – сказал он, – что вы разделяете мою любовь ко всему необычному, ко всему, что нарушает однообразие нашей будничной жизни. Не будь у вас этой любви к необыкновенным событиям, вы не стали бы с таким энтузиазмом записывать скромные мои приключения... Хотя по совести должен сказать, что иные из ваших рассказов изображают мою деятельность в несколько приукрашенном виде.

– Право же, ваши приключения всегда казались мне чрезвычайно интересными, – возразил я.

– Совсем недавно, перед тем как мисс Сазерлэнд задала нам свою несложную загадку, я, помнится, говорил вам, что самая смелая фантазия не в силах представить себе тех необычайных и диковинных случаев, какие встречаются в обыденной жизни.

– Я тогда же ответил вам, что позволяю себе усомниться в правильности вашего мнения.

– И тем не менее, доктор, вам придется признать, что я прав, ибо в противном случае я обрушу на вас такое множество удивительных фактов, что вы будете вынуждены согласиться со мной. Вот хотя бы та история, которую мне сейчас рассказал мистер Джабез Уилсон. Признаться, за всю свою жизнь я не слышал столь необычной истории. Помните, я говорил, что странными и необыкновенными оказываются скорее мелкие, чем крупные преступления, часто даже такие дела, когда возникает сомнение, совершено ли вообще правонарушение. В данном случае я не могу пока сказать, есть ли тут состав преступления, однако ход событий крайне любопытен. Будьте добры, мистер Уилсон, повторите свой рассказ. Я прошу вас об этом не только для того, чтобы мой друг, доктор Уотсон, выслушал начало рассказа, но и для того, чтобы мне самому как можно лучше познакомиться с каждой подробностью. Обычно, едва мне начинают рассказывать какой-нибудь случай, тысячи подобных же случаев возникают в моей памяти, но на этот раз я вынужден признать, что ничего похожего не слышал.

Толстый клиент с некоторой гордостью выпятил грудь, вытащил из внутреннего кармана пальто грязную, скомканную газету и разложил ее у себя на коленях. Пока он, вытянув шею, пробежал глазами столбцы объявлений, я внимательно разглядывал его, пытаюсь в подражание Шерлоку Холмсу угадать по одежде и внешности, кто он такой.

К сожалению, мои наблюдения не дали почти никаких результатов. Сразу можно было заметить, что наш посетитель – самый заурядный мелкий лавочник, самодовольный, тупой и медлительный. Серые в клетку брюки висели на нем мешком, его не слишком опрятный черный сюртук был расстегнут, а на темном жилете красовалась массивная цепь накладного золота, на которой в качестве брелока болтался просверленный насквозь четырехугольный кусочек какого-то металла. Поношенный цилиндр и выцветшее бурое пальто со сморщенным бархатным воротником были брошены тут же на стуле. Одним словом, сколько я ни разглядывал этого человека, я не видел в нем ничего примечательного, кроме пламенно-рыжих волос. Было ясно, однако, что он крайне озадачен каким-то неприятным событием.

От пронизательного взора Шерлока Холмса не ускользнуло мое занятие, он кивнул головой и усмехнулся.

– Конечно, каждому ясно, – сказал он, – что наш гость одно время занимался физическим трудом, что он нюхает табак, что он франкмасон, что он побывал в Китае и что за последние месяцы ему приходилось много писать. Кроме этих очевидных фактов, я не могу отгадать ничего.

Мистер Джабез Уилсон выпрямился в кресле и, не отрывая указательного пальца от газеты, уставился на моего приятеля.

– Каким образом, мистер Холмс, могли вы все это узнать? – спросил он. – Откуда вы знаете, например, что я занимался физическим трудом? Да, действительно, я начинал корабельным плотником.

– Ваши руки рассказали мне об этом, мой дорогой сэръ. Ваша правая рука крупнее левой. Вы работали ею, и мускулы на ней стали крупнее.

– А нюханье табака? А франкмасонство?

– О франкмасонстве догадаться нетрудно, так как вы вопреки строгому уставу вашего общества носите галстучную булавку с изображением дуги и окружности.

– Ах да! Я и забыл про нее... Но как вы отгадали, что мне приходилось много писать?

– О чем ином может свидетельствовать ваш лоснящийся правый рукав и протертое до гладкости сукно на левом рукаве возле локтя!

– А Китай?

– Только в Китае могла быть вытатуирована та рыбка, что красуется на вашем правом запястье. Я изучил татуировки, и мне приходилось даже писать кое-что по этому предмету. Обычай окрашивать рыбью чешую нежно-розовым цветом распространен только в Китае. Увидев китайскую монету на цепочке ваших часов, я окончательно убедился, что вы были в Китае.

Мистер Джабез Уилсон громко расхохотался.

– Вот оно что! – сказал он. – Я сначала подумал, что вы бог знает какими мудреными способами отгадываете, а оказывается, это так просто.

– Я начинаю думать, Уотсон, – сказал Холмс, – что совершил ошибку, объяснив, каким образом я пришел к моим выводам. Как вам известно, «omne ignotum pro magnifico»⁹, и моей скромной славе грозит крушение, если я буду так откровенен... Вы нашли объявление, мистер Уилсон?

– Нашел, – ответил тот, держа толстый красный палец в середине газетного столбца. – Вот оно. С этого все и началось. Прочтите сами, сэръ.

⁹ «Все неизвестное принимается за великое» (лат.). Тацит. «Жизнь и нравы Юлия Агриколы».

Я взял газету и прочел:

«Союз Рыжих»

Во исполнение завещания покойного Иезекии Хопкинса из Лебанона, Пенсильвания (США), ОТКРЫТА новая вакансия для члена Союза. *Предлагается жалование* – четыре фунта стерлингов в неделю за чисто номинальную службу. Каждый рыжий не моложе двадцати одного года, находящийся в здравом уме и трезвой памяти, может оказаться пригодным для этой работы. Обращаться лично к Дункану Россу в понедельник, в одиннадцать часов, в контору Союза, Флит-стрит, Попс-корт, 7».

– Что это, черт побери, может означать?! – воскликнул я, дважды прочитав необычайное объявление. Холмс беззвучно засмеялся и весь как-то съежился в кресле, а это служило верным признаком, что он испытывает немалое удовлетворение.

– Не слишком заурядное объявление, как, по-вашему, а? – сказал он. – Ну, мистер Уилсон, начните-ка сначала и расскажите нам о себе, о своем доме и о том, какую роль сыграло это объявление в вашей жизни. А вы, доктор, запишите, пожалуйста, что это за газета и от какого числа.

– «Морнинг кроникл», 27 апреля 1890 года. Ровно два месяца назад.

– Отлично. Продолжайте, мистер Уилсон.

– Как я вам уже говорил, мистер Шерлок Холмс, – сказал Джабез Уилсон, вытирая лоб, – у меня есть маленькая ссудная касса на Кобург-сквер, неподалеку от Сити. Дело у меня и прежде шло неважно, а за последние два года доходов хватало только на то, чтобы кое-как сводить концы с концами. Когда-то я держал двоих помощников, но теперь у меня только один; мне трудно было бы платить и ему, но он согласился работать на половинном жалованье – лишь бы иметь возможность изучить дело.

– Как зовут этого услужливого юношу? – спросил Шерлок Холмс.

– Его зовут Винсент Сполдинг, и он далеко не юноша. Трудно сказать, сколько ему лет. Более расторопного помощника мне не сыскать. Я отлично понимаю, что он вполне мог бы в другом месте зарабатывать вдвое больше. Но, в конце концов, раз он доволен, зачем внушать ему мысли, которые нанесут ущерб моим интересам?

– В самом деле, зачем? Вам просто повезло: у вас помощник, которому вы платите гораздо меньше, чем платят за такую же работу другие. Не часто встретишь в наше время бескорыстных служащих. Интересный у вас помощник, пожалуй, еще интереснее, чем объявление.

– Хотя должен сказать, у него есть свои недостатки! – продолжал мистер Уилсон. – Никогда не встречал человека, который так страстно увлекался бы фотографией. Щелкает аппаратом, когда нужно работать, а потом ныряет в погреб, как кролик в нору, и проявляет пластинки. Это его главный недостаток. А впрочем, он хороший работник, и мне не в чем его упрекнуть.

– Он и теперь служит у вас?

– Да, сэр. Он да девчонка четырнадцати лет, которая кое-как стряпает и подметает полы. Больше никого нет, я вдовец, и к тому же бездетный. Мы трое живем очень скромно, сэр. Крыша над головой у нас есть, долги отдаем – чего нам еще надо? Но вот это объявление выбило нас из колеи. Сегодня исполнилось как раз восемь недель с того дня, когда Сполдинг вошел в контору с этой газетой в руке и сказал:

– Жалко, что Господь не создал меня рыжим, мистер Уилсон.

– Почему? – спрашиваю я.

– Да вот посмотрите, – говорит он, – открылась новая вакансия в Союзе рыжих. Тот, кто займет ее, неплохо будет зарабатывать. Там, пожалуй, больше вакансий, чем кандидатов, и душеприказчики ломают голову, не зная, что делать с деньгами. Если бы волосы мои способны были изменить свой цвет, ни за что не упустил бы это выгодное местечко.

– А что это за Союз рыжих? – спросил я. – Дело в том, мистер Холмс, что я большой домосед, и так как мне не приходится искать клиентов – они сами приходят, – я иногда по целым неделям не переступаю порога. Вот почему я мало знаю о том, что делается на свете, и всегда рад послушать новости...

– Неужели вы никогда не слыхали о Союзе рыжих? – спросил Сполдинг у меня, широко раскрыв глаза.

– Никогда.

– Вот странно, вы ведь один из тех, кто имеет право занять вакансию.

– А много ли это может дать? – спросил я.

– Фунтов двести в год, не больше, зато работа пустяковая и не мешает человеку заниматься любым другим делом.

Понятно, я наострил уши, так как предприятие мое за последнее время давало очень мало дохода и лишние двести фунтов в год были бы очень кстати.

– Расскажите все, что вы знаете об этом Союзе, – сказал я.

– Как вы видите сами, – ответил Сполдинг, показывая мне объявление, – в Союзе рыжих имеется вакантное место, а вот и адрес, по которому вы можете обратиться за подробностями. Насколько мне известно, этот Союз основал американский миллионер Иезекия Хопкинс, большой чудак. Он сам был огненно-рыжий и благоволил ко всем рыжим на свете. Умирая, он оставил огромную сумму, и душеприказчики должны на проценты с нее подыскивать теплые местечки для тех, у кого волосы ярко-рыжего цвета. Что ни говори, платят неплохо, а работы почти никакой.

– Но ведь рыжих миллионы, – сказал я, – и каждый пожелает занять вакантное место?

– Не так много, как кажется, – ответил он. – Объявление, как видите, обращено только к лондонцам, и притом лишь ко взрослым. Этот американец родился в Лондоне, прожил здесь свою юность и хотел облагодетельствовать свой родной город. Кроме того, насколько я слышал, в Союз рыжих не имеет смысла обращаться тем лицам, у которых волосы светло-рыжие или темно-рыжие, – там требуются люди с волосами яркого, ослепительного, огненно-рыжего цвета. Если вы хотите воспользоваться этим предложением, мистер Уилсон, нужно только пройти до конторы Союза рыжих. Впрочем, есть ли вам смысл отвлекаться от основного занятия ради нескольких сотен фунтов?..

Как вы сами изволите видеть, джентльмены, волосы у меня ярко-рыжие, такого красочного, богатого оттенка, что, дойди дело до состязания рыжих, у меня, пожалуй, будет шанс, как ни у кого. Винсент Сполдинг, как человек весьма сведущий в этом деле, мог оказаться полезным, поэтому я распорядился закрыть ставни на весь день и попросил его сопровождать меня. Он обрадовался, что сегодня не придется работать, и мы, закрыв контору, отправились по адресу, указанному в объявлении.

Такого зрелища, мистер Холмс, мне больше никогда не придется увидеть! С севера, с юга, с востока и с запада в Сити устремились все люди, в волосах у которых был хоть малейший оттенок рыжего цвета. Флит-стрит была забита рыжими, а Попс-корт был похож на тачку разносчика, торгующего апельсинами. Сколько народу собралось по объявлению! Никогда я не думал, что в Англии столько рыжих. Все оттенки рыжего цвета: соломенный, оранжевый, кирпичный, лимонный, цвет шерсти ирландских сеттеров, цвет желчи, глины; правда, Сполдинг заметил, что голов настоящего – живого, яркого, огненного цвета – тут было очень немного. И все же, увидев толпу, я пришел в отчаяние и решил отказаться от предприятия, но Сполдинг и слышать об этом не хотел. Не знаю, как это ему удавалось,

но он проталкивался сквозь толпу с таким усердием, что вскоре мы очутились на лестнице, ведущей в контору. По лестнице двигался двойной людской поток: одни поднимались, полные приятных надежд, другие спускались в унынии. Мы протискались вперед и скоро очутились в конторе...

– Замечательная же с вами случилась история! – сказал Холмс, когда его клиент замолчал, чтобы освежить свою память понюшкой табаку. – Пожалуйста, продолжайте.

– В конторе не было ничего, кроме пары деревянных стульев и простого соснового стола, за которым сидел маленький человечек, еще более рыжий, чем я. Он обменивался несколькими словами с каждым из претендентов и в каждом обнаруживал какой-нибудь недостаток. Видимо, занять эту вакансию было не так-то просто. Однако когда настала наша очередь, маленький человечек оказался гораздо приветливее и, едва мы вошли, запер двери, чтобы побеседовать с нами без посторонних.

– Это мистер Джабез Уилсон, – сказал мой помощник. – Он хотел бы занять вакансию в Союзе.

– И он вполне достоин этого, поскольку отвечает всем требованиям, – ответил человечек. – Давно не случалось мне видеть такие прекрасные волосы!

Он отступил на шаг, склонил голову набок и глядел на мои волосы так долго, что мне стало неловко. Затем он внезапно кинулся вперед, схватил мою руку и горячо поздравил меня.

– Было бы преступлением медлить, – сказал он. – И все-таки, надеюсь, вы простите меня, если я приму некоторые меры предосторожности.

И он вцепился мне в волосы обеими руками и дернул так, что я взвыл от боли.

– У вас выступили слезы, – сказал он, отпуская меня. – Значит, все в порядке. Извините, приходится быть осторожными, потому что нас дважды обманули с помощью париков и один раз – с помощью краски. Я мог бы рассказать о таких проделках, которые внушили бы вам отвращение к людям.

Он подошел к окну и крикнул во все горло, что вакансия занята. Снизу донесся стон разочарования, толпа расплзлась по разным направлениям, и скоро не осталось ни одного рыжего, кроме меня и человека, который со мной договаривался.

– Меня зовут мистер Дункан Росс, – сказал он, – и я тоже получаю пенсию из фонда, который оставил нам наш великодушный благодетель. Вы женаты, мистер Уилсон? У вас есть семья?

Я ответил, что я вдовец и детей у меня нет. Лицо его вытянулось.

– Да, это – серьезнейшее препятствие! Очень, очень жаль, что вы не женаты. Фонд создан не только для поддержания рыжих, но и должен способствовать увеличению их числа. Какая неудача, что вы оказались холостяком!

Должен сказать, мистер Холмс, что при этих словах я опечалился, так как стал опасаться, что меня не возьмут; но, подумав несколько минут, Росс заявил, что все обойдется.

– Ради кого-нибудь другого мы не стали бы отступать от правил, но человеку с такими волосами можно пойти навстречу. Когда вы могли бы приступить к исполнению ваших обязанностей?

– Право, не знаю, ведь у меня еще собственное предприятие... – ответил я.

– Не беспокойтесь, мистер Уилсон! – сказал Винсент Сполдинг. – С работой я справлюсь и без вас.

– В какие часы я буду занят? – спросил я.

– От десяти до двух.

Так как в ссудных кассах главная работа приходится на вечерние часы, особенно по четвергам и по пятницам, накануне получки, я и решил, мистер Холмс, что недурно зара-

ботать кое-что в утренние часы. Помощник у меня – человек надежный и вполне может меня заменить.

– Эти часы мне подходят, – сказал я. – А какое вы платите жалованье?

– Четыре фунта в неделю.

– А в чем заключается работа?

– Работа чисто номинальная.

– Что вы называете чисто номинальной работой?

– Вы должны безотлучно находиться в нашей конторе или по крайней мере в здании, где она помещается. Выходить нельзя – потеряете место. Завещатель особенно настаивает на точном выполнении этого пункта. Если вы хоть раз покинете контору в рабочие часы, будет считаться, что вы не исполнили наших требований.

– Если речь идет всего о четырех часах в сутки, мне, конечно, и в голову не придет уходить из конторы, – сказал я.

– Имейте это в виду, – повторил мистер Дункан Росс. – Потом мы никаких извинений не примем. Никакие болезни, никакие дела не могут служить оправданием. Вы должны безотлучно находиться в конторе или потеряете службу.

– А в чем же заключается работа?

– Вам придется переписывать «Британскую энциклопедию». Первый том – в этом шкафу. Чернила, перья, бумагу и промокашку вы достанете сами; мы предоставляем стол и стул. Не могли бы вы приступить к работе завтра же?

– Конечно, могу, – ответил я.

– В таком случае до свидания, мистер Джабез Уилсон. И позвольте еще раз поздравить вас с получением такого хорошего места.

Он поклонился. Я вышел из комнаты и отправился домой вместе с помощником, безотчетно радуясь необыкновенной удаче. Эта история весь день не выходила у меня из головы, но к вечеру я несколько упал духом; я почти убедил себя, что все это дело – просто мошенничество, хотя никак не догадывался, в чем может заключаться цель подобной затеи. Казалось почти невероятным, что кто-то мог оставить такое завещание и что люди согласны платить такие деньги за переписку «Британской энциклопедии». Винсент Сполдинг изо всех сил старался подбодрить меня, но, ложась спать, я твердо решил отказаться от этого дела. Однако утром я подумал, что все-таки стоит сходить туда. Купив чернил на пенни, захватив гусиное перо и семь больших листов бумаги, я отправился в Попс-корт. К моему удивлению, там все было в порядке. Я очень обрадовался. Стол был приготовлен для работы, и мистер Дункан Росс ждал меня. Он велел мне начать с буквы «А» и вышел. Однако время от времени он заходил, чтобы посмотреть, работаю ли я. В два часа он попрощался со мной, похвалив за то, что я успел так много переписать, и запер дверь конторы.

Так шло изо дня в день, мистер Холмс. В субботу мистер Росс выложил на стол четыре золотых соверена – плату за неделю. Прошла вторая неделя, потом третья. Каждое утро я приходил туда ровно к десяти и уходил ровно в два. Со временем мистер Дункан Росс начал заходить в контору все реже и реже, а потом и вовсе перестал навещать. Тем не менее я, понятно, не осмеливался выйти из комнаты даже на минуту, так как он мог прийти в любой момент, а я не хотел рисковать такой выгодной службой.

Так прошло восемь недель; я переписал статьи об аббатах, об артиллерии, об архитектуре, об Аттике и надеялся в скором времени приступить к букве «Б». Я изрядно потратился на бумагу, и исписанные мной листы едва помещались на полке. Но вдруг все кончилось.

– Кончилось?

– Да, сэр. Сегодня утром. Я пришел на работу, как всегда, к десяти часам, но дверь оказалась запертой на замок, а к двери был прибит листок плотной бумаги. Вот, посмотрите сами.

Он протянул нам этот листок. Там было написано:

СОЮЗ РЫЖИХ РАСПУЩЕН

9 октября 1890 года

Мы с Шерлоком Холмсом долго разглядывали эту краткую записку, потом перевели глаза на унылое лицо Джабеза Уилсона; смешная сторона происшествия заслонила от нас все остальное, и мы расхохотались.

– Не вижу ничего смешного! – крикнул наш клиент, вскочив с кресла и покраснев до корней жгучих волос. – Если вместо того, чтобы помочь мне, вы собираетесь смеяться надо мной, я обращусь к кому-нибудь другому!

– Нет, нет! – воскликнул Холмс, снова усаживая его в кресло. – Мне ни за что не хотелось бы отказываться от вашего дела. Оно вдохновляет меня своей новизной. Простите меня, но согласитесь, в нем все же есть что-то забавное... Что же вы предприняли, найдя эту записку на дверях?

– Я был потрясен, сэр. Я не знал, что делать. Я обошел соседние конторы, но никто ничего не знал. Наконец я отправился к хозяину дома – он жил в нижнем этаже – и спросил, что случилось с Союзом рыжих. Он ответил, что никогда не слышал о такой организации. Тогда я осведомился о мистере Дункане Россе. Он сказал, что впервые слышит это имя.

– Я имею в виду джентльмена, который снимал у вас квартиру номер четыре, – сказал я.

– Рыжего?

– Да.

– Так его зовут Уильям Моррис! Он стряпчий, снимал у меня помещение временно, пока не подыскал другое. Он вчера выехал.

– Где его можно найти?

– В новой конторе. Он где-то оставил свой адрес, вот он: Кинг-Эдуард-стрит, 17, близ собора Святого Павла.

Я отправился по этому адресу, мистер Холмс, но там оказалась протезная мастерская, и никто не слышал ни о мистере Уильяме Моррисе, ни о мистере Дункане Россе.

– Что же вы предприняли тогда? – спросил Холмс.

– Я вернулся домой на Сакс-Кобург-сквер и посоветовался со своим помощником. Но он ничем не мог помочь. Надо, говорит, подождать, мне, вероятно, сообщат что-нибудь по почте. Но меня это никак не устраивает, мистер Холмс. Я не хочу сдаваться без боя. Я слышал, что вы даете советы бедным людям, попавшим в трудное положение, и отправился прямо к вам.

– И правильно поступили, – сказал Холмс. – Замечательный у вас случай, и я счастлив, что имею возможность им заняться. Из того, что вы рассказали, я заключаю, что дело это гораздо серьезнее, чем может показаться с первого взгляда.

– Уж чего серьезнее! – сказал мистер Джабез Уилсон. – Я лишился четырех фунтов в неделю.

– Ну вы-то лично вряд ли можете жаловаться на этот необычайный Союз, – сказал Холмс. – Напротив, вы ведь заработали тридцать фунтов, не говоря уже о том, что приобрели глубокие познания о предметах, начинающихся на букву «А». Так что, в сущности, вы ничего не потеряли.

– Не спорю, все это так, сэр. Но мне все-таки хотелось бы разыскать их, узнать, кто они такие и чего ради они сыграли со мной эту шутку, если только это шутка. Да, забава обошлась им дороговато: они заплатили за нее тридцать два фунта.

– Мы попытаемся все выяснить. Но сначала разрешите мне задать вам несколько вопросов, мистер Уилсон. Давно ли служит у вас этот помощник... тот, что показал вам объявление?

– К тому времени он прослужил у меня около месяца.
– Где вы нашли его?
– Он пришел по объявлению, которое я дал в газете.
– Он один откликнулся на ваше объявление?
– Нет, человек десять.
– Почему вы выбрали именно его?
– Потому что он проворный и не запросил много.
– Вас прельстила возможность платить ему половинное жалование?
– Да.
– Каков он из себя, этот Винсент Сполдинг?
– Маленький, коренастый, очень живой. Никакой растительности на лице, хотя ему под тридцать. На лбу у него белое пятнышко – ожог кислотой.

Холмс выпрямился. Он был очень взволнован.

– Я так и думал! – сказал он. – А вы не замечали у него в ушах дырочек для серег?
– Заметил, сэр. Он объяснил, что уши ему проколола какая-то цыганка, когда он был ребенком.

– Гм! – произнес Холмс и откинулся на спинку кресла в глубоком раздумье. – Он до сих пор у вас?

– Да, сэр, я только что видел его.

– Он хорошо справлялся с делами, когда вас не было в конторе?

– Не могу пожаловаться, сэр. Впрочем, по утрам в ссудной кассе дел немного.

– Отлично, мистер Уилсон. Через день или два я буду иметь удовольствие кое-что сообщить вам. Сегодня суббота... Надеюсь, в понедельник мы все будем знать...

– Ну, Уотсон, – сказал Холмс, когда наш посетитель ушел, – что вы обо всем этом думаете?

– Ничего не думаю, – ответил я откровенно. – Дело это представляется мне совершенно таинственным.

– Общее правило таково, – сказал Холмс, – чем страннее случай, тем меньше в нем оказывается таинственного. Как раз заурядные, бесцветные преступления разгадать труднее всего, подобно тому как труднее разыскать в толпе человека с заурядными чертами лица. Но с этим случаем медлить я не могу.

– Что вы собираетесь делать? – спросил я.

– Курить, – ответил он. – Это задача как раз на три трубки. Я прошу вас минут пятьдесят не разговаривать со мной.

Он скрючился в кресле, подтянув худые колени к ястребиному носу, и долго сидел в такой позе, закрыв глаза и выставив вперед черную глиняную трубку, похожую на клюв какой-то странной птицы. Я уж подумал было, что он заснул, да и сам начал дремать, но тут он вскочил, словно человек, принявший твердое решение, и положил трубку на камин.

– Сегодня в Сент-Джеймс-Холле играет Сарасате, – сказал он. – Что вы думаете об этом, Уотсон? Могут ваши пациенты обойтись без вас в течение нескольких часов?

– Сегодня я свободен. Моя практика вообще отнимает у меня не слишком много времени.

– В таком случае надевайте шляпу и идем. Мне нужно в Сити, а где-нибудь по дороге перекусим. В программе концерта много немецкой музыки, мне она гораздо более по сердцу, чем французская или итальянская. Немецкая музыка богата глубокими мыслями, а мне как раз необходимо кое о чем поразмыслить.

Мы доехали подземкой до Олдерсгета, а оттуда прошли пешком до Сакс-Кобург-сквер, где совершились события, о которых нам рассказывали утром.

Сакс-Кобург-сквер – маленькая сонная площадь с жалкими потугами на аристократический стиль. Четыре ряда грязноватых двухэтажных кирпичных домов глядят окнами на крохотный садик, заросший сорной травой, среди которой несколько блеклых лавровых кустов ведут тяжкую борьбу с насыщенным копотью воздухом. Три позолоченных шара и коричневая вывеска на углу с надписью «Джабез Уилсон», выведенной белыми буквами, указывали, что здесь и находится контора нашего рыжего клиента.

Шерлок Холмс остановился перед дверью и, склонив голову набок, устремил на нее глаза, ярко блестевшие из-под полуприкрытых век. Затем он медленно прошелся по улице, внимательно вглядываясь в дома. Перед ссудной кассой он раза три с силой стукнул тростью по мостовой, затем подошел к двери и постучал. Дверь тотчас же распахнул расторопный, чисто выбритый молодой человек и попросил нас войти.

– Благодарю вас, – сказал Холмс. – Я хотел только спросить, как пройти отсюда на Стр-энд.

– Третий поворот направо, четвертый налево, – быстро ответил помощник мистера Уилсона и захлопнул дверь.

– Ловкий малый! – заметил Холмс, когда мы снова зашагали по улице. – Я считаю, что по ловкости он занимает четвертое место в Лондоне, а по храбрости, пожалуй, даже третье. Я о нем кое-что знаю.

– Видимо, – сказал я, – помощник мистера Уилсона играет какую-то роль в этом Союзе рыжих. Уверен, вы спросили у него дорогу лишь затем, чтобы взглянуть на него.

– Не на него.

– На что же?

– На его колени.

– И что вы увидели?

– То, что и ожидал.

– А зачем вы стучали по мостовой?

– Милейший доктор, сейчас надо наблюдать, а не разговаривать. Мы разведчики в неприятельском лагере. Нам удалось кое-что узнать о Сакс-Кобург-сквер. Теперь обследуем улицы, которые примыкают к ней с другой стороны.

Разница между Сакс-Кобург-сквер и тем, что мы увидели, когда свернули за угол, была столь же велика, как разница между картиной и ее оборотной стороной. За углом тянулась одна из главных артерий города, соединяющая Сити с севером и западом. Эта большая улица была вся забита экипажами, движущимися двумя встречными потоками, а на тротуарах чернели толпы спешащих пешеходов. Глядя на ряды роскошных магазинов и великолепных контор, трудно было представить себе, что позади этих самых домов находится убогая, безлюдная площадь.

– Позвольте мне осмотреться, – сказал Холмс, остановившись на углу и внимательно разглядывая каждый дом один за другим. – Я хочу запомнить, в каком порядке расположены здания. Изучение Лондона – моя страсть... Так-так, сначала табачный магазин Мортимера, затем газетная лавчонка, затем кобургское отделение Городского и Пригородного банка, за ним вегетарианский ресторан, затем каретное депо Мак-Фарлейна. А там уже следующий квартал... Ну, доктор, наша работа окончена! Теперь мы можем немного и поразвлечься: бутерброд, чашка кофе – и в страну скрипок, где все сладость, нега и гармония, где нет рыжих клиентов, досаждающих нам головоломками.

Мой друг страстно увлекался музыкой и был не только очень способным исполнителем, но и незаурядным композитором. Весь вечер просидел он в кресле, вполне счастливый, слегка двигая длинными тонкими пальцами в такт музыке; его мягко улыбающееся лицо, его влажные, затуманенные глаза ничем не напоминали о Холмсе-ищейке, о хитроумном, безжалостном Холмсе, готовом в любую минуту преследовать нарушителей закона. Удиви-

тельный характер этого человека слагался из двух начал. Мне часто приходило в голову, что его потрясающая пронизательность родилась в борьбе с поэтической задумчивостью, составлявшей основную черту характера этого человека. Он постоянно переходил от полнейшей расслабленности к необычайной энергии, и я хорошо знал, что он никогда не бывает более твердым, чем в те дни, когда с бездумным спокойствием отдается своим импровизациям и нотам. Но внезапно охотничья страсть охватывала его, свойственная ему блистательная сила мышления возрастала до степени интуиции, и люди, незнакомые с его методом, начинали думать, что перед ними не человек, а какое-то сверхъестественное существо. Наблюдая за ним на концерте в Сент-Джеймс-Холле, я видел, с какой полнотой он отдается музыке, и понял, что тем, за кем он охотится, будет плохо.

– Вы, доктор, собираетесь, конечно, домой, – сказал он, когда концерт кончился.

– Домой, понятно.

– А мне предстоит еще одно дело, оно отнимет у меня часа три-четыре. Это происшествие на Кобург-сквер – серьезная штука.

– Серьезная?

– Там готовится крупное преступление. Правда, у меня есть основания думать, что мы успеем предотвратить его. Но все усложняется из-за того, что сегодня суббота. Кстати, вечером мне может понадобиться ваша помощь.

– В каком часу?

– Часов в десять, не раньше.

– Ровно в десять я буду на Бейкер-стрит.

– Отлично. Имейте в виду, доктор, дело будет опасное. Суньте себе в карман свой армейский револьвер.

Он помахал мне рукой, круто повернулся и мгновенно исчез в толпе.

Я не считаю себя глупее других, но, когда я имею дело с Шерлоком Холмсом, меня угнетает тяжелое сознание собственной тупости. Ведь вот я слышал то же самое, что слышал он, видел то же самое, что видел он, однако он знает, очевидно, не только, что случилось, но и то, что должно случиться, тогда как мне все это дело по-прежнему представлялось непонятной нелепостью.

По дороге домой в Кенсингтон я снова припомнил и весь необычайный рассказ рыжего переписчика «Британской энциклопедии», и наше посещение Сакс-Кобург-сквер, и злое слово, которые Холмс сказал мне при прощании. Зачем эта ночная экспедиция, и почему я должен прийти вооруженным? Куда мы поедем, что нам предстоит делать? Холмс, правда, намекнул, что помощник владельца ссудной кассы – опасная личность, способная на большие преступления. Но как я ни пытался разгадать эти загадки, ничего у меня не вышло, и я решил ждать ночи, которая должна была разъяснить мне все.

В четверть десятого я вышел из дому и, пройдя Гайд-парк и Оксфорд-стрит, очутился на Бейкер-стрит. У подъезда стояли два кеба, и, войдя в прихожую, я услышал наверху голоса. Я застал у Холмса двух человек, он оживленно разговаривал с ними. Одного из них я знал – это был Питер Джонс, агент полиции; другой был длинный, тощий, угрюмый мужчина в сверкающем цилиндре, в удручающе безукоризненном фраке.

– Вот мы и в сборе! – сказал Холмс, застегивая свою гороховую куртку и беря с полки охотничий хлыст с тяжелой рукоятью. – Уотсон, вы, кажется, знакомы с мистером Джонсом из Скотленд-Ярда? Позвольте представить вас мистеру Мерриуэзеру. Мистер Мерриуэзер примет участие в нашем ночном приключении.

– Как видите, доктор, мы с мистером Холмсом снова охотимся вместе, – сказал Джонс с обычным своим важным и снисходительным видом. – Никто так блестяще не начинает охоту, как он. Но для того чтобы затравить зверя, ему нужна помощь старого гончего пса.

– Боюсь, что мы подстрелим не зверя, а утку, – угрюмо сказал мистер Мерриуэзер.

– Можете положиться на мистера Холмса, сэр, – покровительственно проговорил агент полиции. – У него своя собственная методика, которая, позволю себе заметить, несколько отвлеченна и фантастична, но тем не менее дает неплохие результаты. Нужно признать, что бывали случаи, как, например, в деле об убийстве Шолто и истории с драгоценностями Агры, когда он оказывался прав, а полиция ошибалась.

– Раз это вы говорите, мистер Джонс, значит, так оно и есть, – уважительно произнес незнакомец. – И все ж, признаться, жаль, что мне сегодня придется лишиться обычного роббера. Это первый субботний вечер за двадцать семь лет, который я проведу без карт.

– В сегодняшней игре ставка покрупнее, чем в ваших карточных играх, – сказал Шерлок Холмс, – да и сама игра увлекательнее. Ставка, мистер Мерриуэзер, равна тридцати тысячам фунтов стерлингов. А ваша ставка, Джонс, – человек, которого вы давно хотите поймать.

– Да, Джон Клей, убийца, вор, взломщик, фальшивомонетчик, – сказал Джонс. – Он еще молод, мистер Мерриуэзер, но уже искуснейший преступник; ни на кого другого в Лондоне я не надел бы наручников с такой охотой, как на него. Исключительная личность этот юный Джон Клей. Его дед был герцог, сам он учился в Итоне и в Оксфорде. Мозг его так же изошрен, как его пальцы, и, хотя мы на каждом шагу натываемся на его след, он до сих пор неуловим. На этой неделе он совершает кражу со взломом в Шотландии, а на следующей уже собирает деньги на постройку детского приюта в Корнуэлле. Я гонюсь за ним уже несколько лет, а еще ни разу не видел его.

– Сегодня ночью я буду иметь удовольствие представить его вам. Мне тоже приходилось два раза наблюдать подвиги мистера Джона Клея, и я вполне согласен с вами, что это искуснейший вор в стране. . . Однако уже одиннадцатый час, пора двигаться в путь. Вы двое садитесь в первый кеб, а мы с Уотсоном поедem во втором.

Шерлок Холмс во время нашей долгой поездки был не слишком общителен: он сидел, откинувшись, и насвистывал мелодии, которые слышал сегодня на концерте. Мы колесили по бесконечному лабиринту освещенных газом улиц, пока наконец не добрались до Фаррингтон-стрит.

– Теперь мы совсем близко, – сказал мой приятель. – Этот Мерриуэзер – директор банка и лично заинтересован во всем деле. Джонс тоже нам пригодится. Он славный малый, хотя ничего не смыслит в своей профессии. Впрочем, у него есть одно несомненное достоинство: он отважен, как бульдог, и прилипчив, как рак. Если уж схватит кого-нибудь своей клешней, так не выпустит. . . Ну вот мы и приехали, они уже тут.

Мы остановились на той же людной и оживленной улице, где были утром. Расплатившись с извозчиками и следуя за мистером Мерриуэзером, мы вошли в какой-то узкий коридор и юркнули в боковую дверцу, которую он отпер. За дверцей оказался другой коридор, очень короткий, и в конце его массивные железные двери. Открыв их, мы спустились по каменным ступеням винтовой лестницы и подошли к еще одним дверям, столь же внушительным. Мистер Мерриуэзер остановился, зажег фонарь и повел нас по темному, пахнущему землей коридору. Миновав еще одну дверь, мы очутились в обширном подвале, заставленном корзинами и тяжелыми ящиками.

– Сверху проникнуть сюда не так-то просто, – заметил Холмс, подняв фонарь и оглядев потолок.

– Снизу тоже, – сказал мистер Мерриуэзер, стукнув тростью по плитам, которыми был выложен пол. – Черт побери, звук такой, будто там пустота! – воскликнул он с изумлением.

– Я вынужден просить вас не шуметь, – сердито сказал Холмс. – Из-за вас вся экспедиция может закончиться провалом. Будьте любезны, присядьте на какой-нибудь ящик и не мешайте.

Важный мистер Мерриуэзер с оскорбленным видом взгромоздился на корзину, а Холмс опустил на колени и с помощью фонаря и лупы принялся изучать щели между плитами.

Через несколько секунд, очевидно, удовлетворенный результатами своего исследования, он поднялся и спрятал лупу в карман.

– У нас впереди по крайней мере час, – заметил он. – Они вряд ли примутся за дело прежде, чем почтенный ростовщик заснет. Вот тогда они не станут терять ни минуты, потому что чем раньше они управятся, тем больше времени у них останется, чтобы скрыться... Мы находимся, доктор – как вы, без сомнения, уже догадались, – в хранилище городского отделения одного из богатейших лондонских банков. Мистер Мерриуэзер – председатель правления банка; он объяснит нам, почему наиболее дерзкие преступники именно в настоящее время с особым интересом приглядываются к этому хранилищу.

– Мы храним здесь наше французское золото, – шепотом сказал директор. – Нас уже не раз предупреждали, что будет совершена попытка похитить его.

– Ваше французское золото?

– Да. Несколько месяцев назад нам понадобились оборотные средства, и мы заняли тридцать тысяч наполеондоров у Французского банка. Впоследствии необходимость в средствах отпала, и стало известно, что нам даже не пришлось распаковать деньги, и они до сих пор лежат здесь. В корзине, на которой я сижу, – две тысячи наполеондоров, они переложены листами фольги. Редко случается, чтобы в одном отделении хранилось такое количество золота, и директора, естественно, беспокоят.

– У них есть все основания для беспокойства, – заметил Холмс. – Ну, нам пора готовиться. Я полагаю, что в течение ближайшего часа все будет кончено. Придется, мистер Мерриуэзер, прикрыть этот фонарь чем-нибудь темным...

– И сидеть в темноте?

– Боюсь, что так. Я захватил колоду карт, и, поскольку нас здесь четверо, мы могли бы сыграть один роббер. Но я вижу, что враг подготовился не на шутку, поэтому оставить свет было бы рискованно. Нам нужно занять свои места. Они люди дерзкие, и, хотя мы застанем их врасплох, они все же могут причинить нам немало неприятностей, если мы не будем осторожны. Я стану за этой корзиной, а вы спрячетесь за теми. Когда я направлю на грабителей луч света, хватайте их. Если они начнут стрельбу, Уотсон, стреляйте без колебания.

Я зарядил револьвер и положил его на крышку деревянного ящика, а сам притаился за ним. Холмс закрыл дверцу фонаря, и мы оказались в кромешной тьме. Правда, запах нагретого металла напоминал, что фонарь не погашен и что свет может вспыхнуть в любое мгновение. Нервы мои от ожидания были напряжены до предела, я был подавлен тьмой и холодной сыростью подземелья.

– Для отступления у них только один путь – обратно, через дом, на Сакс-Кобург-сквер, – прошептал Холмс. – Надеюсь, вы сделали то, о чем я просил вас, Джонс?

– У парадного входа инспектор и два полисмена.

– Значит, мы заткнули все дыры. Теперь остается только молчать и ждать.

Как медленно тянулось время! Позже я узнал, что прошел всего час с четвертью, но тогда мне казалось, что ночь кончается и наверху рассветает. Я боялся шевельнуться, хотя ноги у меня затекли и ныли от боли, нервы были натянуты, а слух так обострился, что я отличал глубокие, приглушенные вздохи грузного Джонса от легкого, свистящего дыхания директора банка. Со своего места из-за ящика я мог видеть часть пола, и вдруг там, внизу, я заметил мерцание света.

Сначала это была слабая искра. Вскоре искра эта превратилась в желтую полоску. Потом в полу неслышно образовалась щель и в середине освещенного пространства появилась рука, белая, почти женственная, которая как будто пыталась нащупать какой-то предмет. С минуту эта рука, шевеля пальцами, торчала из пола. Затем она исчезла так же внезапно, как возникла, и все опять погрузилось во тьму; лишь через узенькую щель между плитами пробивался слабый свет.

Однако через мгновение одна из широких белых плит с резким скрипом перевернулась, и открылось квадратное отверстие, из которого хлынул свет фонаря. Оттуда выглянуло гладко выбритое юное лицо; неизвестный зорко осмотрелся по сторонам, потом оперся обеими руками о края отверстия и стал подтягиваться; сначала показались плечи, потом туловище, а вот он уже занес колено на пол. Через секунду незнакомец стоял во весь рост и помогал влезть своему товарищу, такому же маленькому и гибкому, с бледным лицом и с вихрами ярко-рыжих волос.

– Все в порядке, – прошептал он. – Зубило и мешки у тебя?.. А, черт!.. Прыгай, Арчи, прыгай, я за себя постою.

Шерлок Холмс выскочил из-за укрытия и схватил его за шиворот. Второй вор юркнул в нору; Джонс пытался его задержать, но, видимо, безуспешно. Я слышал треск рвущейся материи. Блеснул ствол револьвера, но Холмс охотничьим хлыстом стегнул противника по руке, и револьвер со звоном упал на каменный пол.

– Бесполезно, Джон Клей, – сказал Холмс корректно. – Вы попались.

– Вижу, – ответил тот совершенно спокойно. – Но приятелю моему удалось ускользнуть, вы поймали только полу его пиджака.

– Три человека поджидают его за дверями, – сказал Холмс.

– Ах, вот как? Чисто сработано! Поздравляю вас.

– А я – вас. Ваша выдумка насчет рыжих вполне оригинальна и удачна.

– Сейчас увидите своего приятеля, – сказал Джонс. – Проворно он, однако, ныряет в норы, не то что я. А теперь я надену на вас наручники.

– Уберите свои грязные руки, пожалуйста! Не трогайте меня! – сказал ему наш пленник после того, как ему надели наручники. – Вам, может быть, неизвестно, что во мне течет королевская кровь. Будьте любезны называть меня «сэр» и говорить «пожалуйста».

– Отлично, – сказал Джонс усмехаясь. – Пожалуйста, сэр, поднимитесь наверх и соблаговолите сесть в кеб, который отвезет вашу светлость в полицию.

– Вот так-то лучше, – спокойно сказал Джон Клей.

Величаво кивнув нам головой, он безмятежно удалился под охраной сыщика.

– Мистер Холмс, – сказал Мерриуэзер, выводя нас из хранилища, – я, право, не знаю, как наш банк мог бы отблагодарить вас за эту услугу. Вам удалось предотвратить крупнейшее, насколько я знаю, ограбление банка.

– У меня были свои собственные счета с мистером Джоном Клеем, – сказал Холмс. – На сегодняшнем деле я понес небольшие расходы, и банк, безусловно, возместит их мне. Что до остального, то я уже вознагражден тем, что испытал единственное в своем роде приключение и услышал замечательную повесть о Союзе рыжих...

– Видите ли, Уотсон, – начал Шерлок Холмс, когда мы сидели с ним утром на Бейкер-стрит за стаканом виски с содовой, – мне с самого начала было ясно, что единственная цель этого фантастического объявления о Союзе рыжих и переписывания «Британской энциклопедии» – ежедневно удалять из дому на несколько часов не слишком умного владельца ссудной кассы. Способ, который они выбрали, конечно, курьезен, однако благодаря этому способу они добились своего. Весь план, без сомнения, подсказан вдохновенному воображению Клея цветом волос его сообщника. Четыре фунта в неделю – хорошая приманка для Уилсона, а что значат четыре фунта для них, если они рассчитывали заполучить тысячи! Они поместили в газете объявление, один мошенник снял временно контору, другой мошенник уговорил своего хозяина пойти туда, и оба получили возможность каждое утро пользоваться его отсутствием. Как только я услышал, что помощник довольствуется половинным жалованьем, я понял, что для этого есть основательные причины.

– Но как же вы отгадали их замысел?

– Будь в доме женщины, я заподозрил бы обыкновенную интрижку. Но женщины нет, и это предположение отпадает. Предприятие нашего рыжего клиента – ничтожное, да и в квартире у него нет ничего такого, ради чего стоило бы затевать столь сложную игру. Следовательно, они имели в виду нечто находящееся вне дома. Но что? И тут я вспомнил о том, что помощник занимается фотографией и постоянно ныряет в погреб. Погреб! Вот и ключ к этой запутанной истории. Я навел справки об этом человеке и понял, что имею дело с самым хладнокровным и дерзким преступником в Лондоне. Итак, он что-то делал в погребе, что-то очень сложное, ведь ему приходилось работать там по нескольку часов в день в течение двух месяцев. Что же он делал? Только одно: рыл подкоп в другое здание. Вот к каким выводам я пришел, когда мы отправились познакомиться с ситуацией на месте. Вы очень удивились, когда я постучал тростью по мостовой. А между тем я хотел узнать, куда прокладывается подкоп – перед домом или на задворках. Впереди его не было. Тогда я позвонил в лавку. Как и следовало ожидать, дверь открыл помощник. У нас с ним и прежде бывали кое-какие стычки, но мы никогда не видали друг друга в лицо. Да и на этот раз я не смотрел ему в лицо. Я хотел видеть его брюки. Вы могли бы и сами заметить, как они у него были грязны, помяты и протерты в коленях. Это свидетельствовало о том, что он долгие часы копал землю. Оставалось выяснить, куда вел подкоп. Я свернул за угол, увидел вывеску Городского и Пригородного банка и понял, что задача решена. Когда после концерта мы отправились домой, я поехал в Скотленд-Ярд, а оттуда к председателю правления банка. Результаты вам известны.

– А как вы узнали, что они попытаются совершить ограбление именно этой ночью? – спросил я.

– Когда они закрыли контору Союза рыжих. Это означало, что их больше не заботит, дома мистер Джабез Уилсон или нет, – другими словами, подкоп был готов. Очевидно, что они не хотели терять времени, так как, во-первых, подкоп могли обнаружить, а во-вторых, золото могло быть перевезено в другое место. Самым удобным днем оказалась суббота, потому что до понедельника золота никто бы не хватился и они имели лишние сутки, чтобы скрыться. Так я и пришел к выводу, что попытка ограбления будет совершена ближайшей ночью.

– Ваши рассуждения безукоризненны! – воскликнул я с непритворным восхищением. – Такая длинная цепь обстоятельств, и каждое звено безупречно.

– Этот случай спас меня от угнетающей скуки, – проговорил Шерлок Холмс зевая. – Увы, я чувствую, что скука снова начинает одолевать меня! Вся моя жизнь – сплошное усилие избежать тоскливого однообразия будней. Маленькие загадки, которые я порой разгадываю, помогают мне в этом.

– Вы истинный благодетель человечества, – сказал я.

Холмс пожал плечами:

– Пожалуй, я действительно приношу кое-какую пользу. «L’homme c’est rien – l’oeuvre c’est tout»¹⁰, – как выразился Гюстав Флобер в письме к Жорж Санд.

¹⁰ «Человек – ничто, произведение – все» (фр.).

Установление личности

11

– Мой дорогой друг, жизнь несравненно причудливее, чем все, что способно создать воображение человеческое, – сказал Шерлок Холмс, когда мы с ним сидели у камина в его квартире на Бейкер-стрит. – Нам и в голову не пришли бы многие вещи, которые в действительности представляют собой нечто совершенно банальное. Если бы мы с вами могли, взявшись за руки, вылететь из окна и, витая над этим огромным городом, приподнять крыши и заглянуть внутрь домов, то по сравнению с открывшимися нам необычайными совпадениями, замыслами, недоразумениями, непостижимыми событиями, которые, прокладывая себе путь сквозь многие поколения, приводят к совершенно невероятным результатам, вся изящная словесность с ее условностями и заранее предрешенными развязками показалась бы нам плоской и тривиальной.

– И все же вы меня не убедили, – отвечал я. – Дела, о которых мы читаем в газетах, как правило, представлены в достаточно откровенном и грубом виде. Натурализм в полицейских отчетах доведен до крайних пределов, но это отнюдь не значит, что они хоть сколько-нибудь привлекательны или художественны.

– Для того чтобы добиться подлинно реалистического эффекта, необходим тщательный отбор, известная сдержанность, – заметил Холмс. – А этого как раз и не хватает в полицейских отчетах, где гораздо больше места отводится пошлым сентенциям мирового судьи, нежели подробностям, в которых для внимательного наблюдателя и содержится существо дела. Поверьте, нет ничего более неестественного, чем банальность.

Я улыбнулся и покачал головой:

– Понятно, почему вы так думаете. Разумеется, находясь в положении неофициального консультанта и помощника вконец запутавшихся в своих делах обитателей трех континентов, вы постоянно имеете дело со всевозможными странными и фантастическими явлениями. Но давайте устроим практическое испытание, посмотрим, например, что написано здесь, – сказал я, поднимая с пола утреннюю газету. – Возьмем первый попавшийся заголовок: «Жестокое обращение мужа с женой». Далее следует полстолбца текста, но я и не читая уверен, что все это хорошо знакомо. Здесь, без сомнения, фигурирует другая женщина, пьянство, колотушки, синяки, полная сочувствия сестра или квартирная хозяйка. Даже бульварный писака не смог бы придумать ничего грубее.

– Боюсь, что ваш пример неудачен, как и вся ваша аргументация, – сказал Холмс, заглядывая в газету. – Это – дело о разводе Дандеса, и случилось так, что я занимался выяснением некоторых мелких обстоятельств, связанных с ним. Муж был трезвенником, никакой другой женщины не было, а жалоба заключалась в том, что он взял привычку после еды вынимать искусственную челюсть и швырять ею в жену, что, согласитесь, едва ли придет в голову среднему новеллисту. Возьмите понюшку табаку, доктор, и признайтесь, что я положил вас на обе лопатки с вашим примером.

Он протянул мне старинную золотую табакерку с большим аметистом на крышке. Великолепие этой вещицы настолько не вязалось с простыми и скромными привычками моего друга, что я не мог удержаться от замечания по этому поводу.

– Да, я совсем забыл, что мы с вами уже несколько недель не виделись, – сказал он. – Это небольшой сувенир от короля Богемии в благодарность за мою помощь в деле с письмами Ирен Адлер.

¹¹ © Перевод. Н. Войтинская, наследники, 2009.

– А кольцо? – спросил я, взглянув на великолепный бриллиант, блестящий у него на пальце.

– Подарок голландской королевской фамилии; но это дело настолько деликатное, что я не имею права довериться даже вам, хотя вы любезно взяли на себя труд описать некоторые из моих скромных достижений.

– А сейчас у вас есть на руках какие-нибудь дела? – с интересом спросил я.

– Штук десять – двенадцать, но ни одного интересного. То есть все они по-своему важные, но для меня интереса не представляют. Видите ли, я обнаружил, что именно незначительные дела дают простор для наблюдений, для тонкого анализа причин и следствий, которые единственно и составляют всю прелесть расследования. Крупные преступления, как правило, очень просты, ибо мотивы серьезных преступлений большей частью очевидны. А среди этих дел ничего интересного нет, если не считать одной весьма запутанной истории, происшедшей в Марселе. Не исключено, однако, что не пройдет и нескольких минут, как у меня будет дело позанятнее, ибо, мне кажется, я вижу одну из моих клиенток.

Говоря это, он встал с кресла и, подойдя к окну, смотрел на тихую, серую лондонскую улицу. Взглянув через его плечо, я увидел на противоположной стороне крупную женщину в тяжелом меховом боа, с большим мохнатым красным пером на кокетливо сдвинутой набок широкополой шляпе. Из-под этих пышных доспехов она нерешительно поглядывала на наши окна, то и дело порываясь вперед и нервно теребя застежку перчатки.

Внезапно, как пловец, бросающийся в воду, она кинулась через улицу, и мы услышали резкий звонок.

– Знакомые симптомы, – сказал Холмс, швыряя в камин окурочек. – Нерешительность у дверей всегда свидетельствует о сердечных делах. Она хочет попросить совета, но боится: дело, очевидно, слишком щекотливое. Но и здесь бывают разные оттенки. Если женщину глубоко оскорбили, она уже не колеблется и, как правило, обрывает звонок. В данном случае тоже можно предположить любовную историю, однако эта девица не столько рассержена, сколько встревожена или огорчена. А вот и она. Сейчас все наши сомнения будут разрешены.

В эту минуту в дверь постучали, и мальчик в форменной куртке с пуговицами доложил о прибытии мисс Мэри Сазерлэнд, между тем как сама эта дама возвышалась позади его маленькой черной фигурки, словно торговый корабль в полной оснастке, идущий вслед за крохотным лоцманским ботом. Шерлок Холмс приветствовал гостью с присущей ему непринужденной учтивостью, затем закрыл дверь и, усадив ее в кресло, оглядел пристальным и вместе с тем характерным для него рассеянным взглядом.

– Вы не находите, – сказал он, – что при вашей близорукости утомительно так много писать на машинке?

– Вначале я уставала, но теперь печатаю слепым методом, – ответила она. Затем, вдруг вникнув в смысл его слов, она вздрогнула и со страхом взглянула на Холмса. На ее широко добродушном лице выразилось крайнее изумление. – Вы меня знаете, мистер Холмс?! – воскликнула она. – Иначе откуда вам все это известно?

– Не важно, – засмеялся Холмс. – Все знать – моя профессия. Быть может, я приучился видеть то, чего другие не замечают. В противном случае зачем вам было бы приходиться ко мне за советом?

– Я пришла потому, что слышала о вас от миссис Этеридж, мужа которой вы так быстро отыскивали, когда все, и даже полиция, считали его погибшим. О, мистер Холмс, если бы вы так же помогли и мне! Я не богата, но все же имею ренту в сто фунтов в год и, кроме того, зарабатываю перепиской на машинке, и я готова отдать все, только бы узнать, что случилось с мистером Госмером Эйнджелом.

– Почему вы так торопились бежать ко мне за советом? – спросил Шерлок Холмс, сложив кончики пальцев и глядя в потолок.

На простоватой физиономии мисс Мэри Сазерлэнд снова появился испуг.

– Да, я действительно прямо-таки вылетела из дома, – сказала она. – Меня разозлило равнодушие, с каким мистер Уиндибенк, то есть мой отец, отнесся к этому делу. Он не хотел идти ни в полицию, ни к вам, ничего не желает делать, только знает твердить, что ничего страшного не случилось, вот я и не вытерпела, кое-как оделась и прямо к вам.

– Ваш отец? – спросил Холмс. – Скорее, ваш отчим. Ведь у вас разные фамилии.

– Да, отчим. Я называю его отцом, хотя это смешно – он всего на пять лет и два месяца старше меня.

– А ваша матушка жива?

– О да, мама жива и здорова. Не очень-то я была довольна, когда она вышла замуж, и так скоро после смерти папы, причем он лет на пятнадцать ее моложе. У папы была паяльная мастерская на Тоттенхем-Корт-роуд – прибыльное дельце, и мама продолжала вести его с помощью старшего мастера мистера Харди. Но мистер Уиндибенк заставил ее продать мастерскую: ему, видите ли, не к лицу – он коммивояжер по продаже вин. Они получили четыре тысячи семьсот фунтов вместе с процентами, хотя отец, будь он в живых, выручил бы гораздо больше.

Я думал, что Шерлоку Холмсу надоест этот бессвязный рассказ, но он, напротив, слушал с величайшим вниманием.

– И ваш личный доход идет с этой суммы? – спросил он.

– О нет, сэр! У меня свое состояние, мне оставил наследство дядя Нэд из Окленда. Капитал в новозеландских бумагах, четыре с половиной процента годовых. Всего две с половиной тысячи фунтов, но я могу получать только проценты.

– Все это очень интересно, – сказал Холмс. – Получая сто фунтов в год и прирабатывая сверх того, вы, конечно, имеете возможность путешествовать и позволять себе другие развлечения. Я считаю, что на доход в шестьдесят фунтов одинокая дама может жить вполне безбедно.

– Я могла бы обойтись меньшим, мистер Холмс, но вы ведь сами понимаете, что я не хочу быть обузой дома и, пока живу с ними, отдаю деньги в семью. Разумеется, это только временно. Мистер Уиндибенк каждый квартал получает мои проценты и отдает их маме, а я отлично живу перепиской на машинке. Два пенса за страницу, и частенько мне удается писать по пятнадцать – двадцать страниц в день.

– Вы очень ясно обрисовали мне все обстоятельства, – сказал Холмс. – Позвольте представить вам моего друга, доктора Уотсона; при нем вы можете говорить откровенно, как наедине со мной. А теперь, будьте любезны, расскажите подробно о ваших отношениях с мистером Госмером Эйнджелом.

Мисс Сазерлэнд покраснела и стала нервно тереть край своего жакета.

– Я познакомилась с ним на балу газопроводчиков. Папе всегда присылали билеты, а теперь они вспомнили о нас и прислали билеты маме. Мистер Уиндибенк не хотел, чтобы мы шли на бал. Он не хочет, чтобы мы где-нибудь бывали. А когда я завожу речь о каком-нибудь пикнике воскресной школы, он приходит в бешенство. Но на этот раз я решила пойти во что бы то ни стало, потому что какое он имеет право не пускать меня? Незачем водить компанию с подобными людьми, говорит он, а ведь там собираются все папины друзья. И еще он сказал, будто мне не в чем идти, когда у меня есть совсем еще ненадеванное красное бархатное платье. Больше возражать ему было нечего, и он уехал во Францию по делам фирмы, а мы с мамой и мистером Харди, нашим бывшим мастером, пошли на бал. Там я и познакомилась с мистером Госмером Эйнджелом.

– Полагаю, что, вернувшись из Франции, мистер Уиндибенк был очень недоволен тем, что вы пошли на бал? – спросил Холмс.

– Нет, он ничуть не рассердился. Он засмеялся, пожал плечами и сказал: «Что женщине ни запрети, она все равно сделает по-своему».

– Понимаю. Значит, на балу газопроводчиков вы и познакомились с джентльменом по имени Госмер Эйнджел?

– Да, сэр. Я познакомилась с ним в тот вечер, а на следующий день он пришел справиться, благополучно ли мы добрались до дому, и после этого мы, то есть я два раза была с ним на прогулке, а затем вернулся отец, и мистер Госмер Эйнджел уже не мог нас навещать.

– Не мог? Почему?

– Видите ли, отец не любит гостей и вечно твердит, что женщина должна довольствоваться своим семейным кругом. А я на это говорила маме: «Да, женщина должна иметь свой собственный круг, но у меня-то его пока что нет!»

– Ну а мистер Госмер Эйнджел? Он не делал попыток с вами увидеться?

– Через неделю отец снова собирался во Францию, и Госмер написал мне, что до отъезда отца нам лучше не встречаться. Он предложил мне пока переписываться и писал каждый день. Утром я сама брала письма из ящика, и отец ничего не знал.

– К тому времени вы уже обручились с этим джентльменом?

– Да, мистер Холмс. Мы обручились сразу после первой же прогулки. Госмер... мистер Эйнджел... служит кассиром в конторе на Леднхолл-стрит и...

– В какой конторе?

– В том-то и беда, мистер Холмс, что я не знаю.

– А где он живет?

– Он сказал, что ночует в конторе.

– И вы не знаете его адреса?

– Нет, я знаю только, что контора на Леднхолл-стрит.

– Куда же вы адресовали ваши письма?

– В почтовое отделение Леднхолл-стрит, до востребования. Он сказал, что на адрес конторы писать не надо, сослуживцы будут смеяться над ним, если узнают, что письма от дамы. Тогда я предложила писать свои письма на машинке, как он и сам делал, а он не захотел. Сказал, что письма, написанные моей собственной рукой, дороги ему, а когда они напечатаны, ему кажется, что между нами что-то чужое. Видите, мистер Холмс, как он меня любил и как был внимателен к мелочам.

– Это кое о чем говорит. Я всегда придерживался мнения, что мелочи существеннее всего, – сказал Холмс. – Может быть, вы припомните еще какие-нибудь мелочи, касающиеся мистера Госмера Эйнджела?

– Он был очень застенчив, мистер Холмс. Он охотнее гулял со мной вечером, чем днем, не любил привлекать к себе внимание. Он был очень сдержан и учтив. Даже голос у него был тихий-тихий. Он рассказывал, что в детстве часто болел ангиной и воспалением гланд и у него ослабли голосовые связки, потому он и говорит шепотом. Он хорошо одевался, очень аккуратно, хотя и просто, а вот глаза у него были слабые, как у меня, и поэтому он носил темные очки.

– Ну а что произошло, когда ваш отчим, мистер Уиндибенк, опять уехал во Францию?

– Мистер Госмер Эйнджел пришел к нам и предложил мне обвенчаться, пока не вернулся отец. Он был необычайно взволнован и заставил меня поклясться на Библии, что я всегда и во всем буду ему верна. Мама сказала, что он правильно сделал, – это, мол, служит доказательством его любви. Мама с самого начала очень хорошо к нему относилась, он ей нравился даже больше, чем мне. Потом решили, что лучше отпраздновать свадьбу еще до конца недели. Я им говорю, как же без отца, а они оба стали твердить, чтоб я об этом не думала, что отцу можно сообщить и после, а мама сказала, что берется все уладить сама. Мне это не очень понравилось, мистер Холмс. Конечно, смешно просить согласия отца, когда

он всего на несколько лет старше меня; но я ничего не хотела делать тайком и поэтому написала ему в Бордо – там французское отделение его фирмы, – но письмо вернулось обратно в день моей свадьбы.

– Письмо его не застало?

– Да, сэр, он как раз перед тем выехал в Англию.

– Да, неудачно! Значит, свадьба была назначена на пятницу? Она должна была происходить в церкви?

– Да, но очень скромно. Мы должны были обвенчаться в церкви Святого Спасителя возле Кингс-Кросс, а затем позавтракать в отеле «Сент-Пэнкрес». Госмер приехал за нами в двуколке, но так как нас было трое, он усадил нас с мамой, а сам взял кеб, который как раз оказался на улице. Мы доехали до церкви первыми и стали ждать. Потом подъехал кеб, но он не выходил. Тогда кучер слез с козел и заглянул внутрь, но там никого не оказалось! Кучер не мог понять, куда он делся, – он собственными глазами видел, как тот сел в кеб. Это случилось в пятницу, мистер Холмс, и с тех пор я так и не знаю, что с ним произошло.

– Мне кажется, он обошелся с вами самым бессовестным образом, – сказал Шерлок Холмс.

– О нет, сэр! Он добрый и хороший, он не мог меня бросить. Он все утро твердил, что я должна быть ему верна, что бы ни случилось. Даже если случится что-нибудь непредвиденное, я должна всегда помнить, что дала ему слово и что рано или поздно он вернется и я должна буду выполнить обещание. Как-то странно было слышать это перед самой свадьбой, но то, что случилось потом, придает смысл его словам.

– Безусловно. Значит, вы полагаете, что с ним случилось какое-нибудь несчастье?

– Да, сэр, и я думаю, что он предчувствовал какую-то опасность, иначе он бы не говорил таких странных вещей. И мне кажется, что его опасения оправдались.

– Но вы не знаете, что бы это могло быть?

– Нет.

– Еще один вопрос. Как отнеслась к этому ваша матушка?

– Она очень рассердилась, сказала, чтобы я и не заикалась об этой истории.

– А ваш отец? Вы рассказали ему, что случилось?

– Да. Он считает, что произошло какое-то несчастье, но что Госмер вернется. Какой смысл везти меня в церковь и скрыться, говорит он. Если бы он занял у меня деньги или женился и перевел на свое имя мое состояние, тогда можно было бы объяснить его поведение, но Госмер очень щепетилен насчет денег и ни разу не взял у меня ни шиллинга. Что могло случиться? Почему он не напишет? Я с ума схожу, ночью не могу уснуть. – Она достала из муфты платок и горько заплакала.

– Я займусь вашим делом, – сказал Холмс, вставая, – и не сомневаюсь, что мы чего-нибудь добьемся. Не думайте ни о чем, не волнуйтесь, а главное, постарайтесь забыть о Госмере Эйнджеле, как будто его и не было.

– Значит, я никогда больше его не увижу?

– Боюсь, что так.

– Но что с ним случилось?

– Предоставьте это дело мне. Мне хотелось бы иметь точное описание его внешности, а также все его письма.

– В субботу я поместила в газете «Кроникл» объявление о его исчезновении, – сказала она. – Вот вырезка и вот четыре его письма.

– Благодарю вас. Ваш адрес?

– Кэмберуэлл, Лайон-плейс, 31.

– Адреса мистера Эйнджела вы не знаете. Где служит ваш отец?

– Фирма «Вестхауз и Марбэнк» на Фенчерч-стрит – это крупнейшие импортеры кларета.

– Благодарю вас. Вы очень ясно изложили свое дело. Оставьте письма у меня и помните мой совет. Забудьте об этом происшествии раз и навсегда.

– Благодарю вас, мистер Холмс, но это невозможно. Я останусь верна Госмеру. Я буду его ждать.

Несмотря на нелепую шляпу и простоватую физиономию, посетительница невольно внушала уважение своим благородством и верностью. Она положила на стол бумаги и ушла, обещав прийти в случае надобности.

Несколько минут Шерлок Холмс сидел молча, сложив кончики пальцев, вытянув ноги и устремив глаза в потолок. Затем он взял с полки старую глиняную трубку, которая всегда служила ему советчиком, раскурил ее и долго сидел, откинувшись на спинку кресла и утопая в густых облаках голубого дыма. На лице его изображалось полнейшее равнодушие.

– Занятое существо эта девица, – сказал он наконец. – Гораздо занятнее, чем ее история, кстати, достаточно избитая. Если вы заглянете в мою картотеку, вы найдете немало аналогичных случаев, например, Андоверское дело 1877 года. Нечто подобное произошло и в Гааге в прошлом году. В общем, старая история, хотя в ней имеются некоторые новые детали. Однако сама девица дает богатейший материал для наблюдений.

– Вы, очевидно, усмотрели много такого, что для меня осталось невидимым, – заметил я.

– Не невидимым, а незамеченным, Уотсон. Вы не знали, на что обращать внимание, и упустили все существенное. Я никак не могу внушить вам, какое значение могут иметь рукав, ноготь на большом пальце или шнурок от ботинок. Интересно, что вы можете сказать на основании внешности этой девицы? Опишите мне ее.

– Ну, на ней была серо-голубая соломенная шляпа с большими полями и с кирпично-красным пером. Черный жакет с отделкой из черного стекляруса. Платье коричневое, скорее даже темно-кофейного оттенка, с полоской алого бархата у шеи и на рукавах. Серые перчатки, протертые на указательном пальце правой руки. Ботинок я не разглядел. В ушах золотые сережки в виде маленьких круглых подвесок. В общем, это девица вполне состоятельная, хотя и несколько вульгарная, добродушная и беспечная.

Шерлок Холмс тихонько захлопал в ладоши и усмехнулся.

– Превосходно, Уотсон, вы делаете успехи. Правда, вы упустили все существенные детали, зато хорошо усвоили метод и у вас тонкое чувство цвета. Никогда не полагайтесь на общее впечатление, друг мой, сосредоточьте внимание на мелочах. Я всегда сначала смотрю на рукава женщины. Когда имеешь дело с мужчиной, пожалуй, лучше начинать с колен брюк. Как вы заметили, у этой девицы рукава были обшиты бархатом, а это материал, который легко протирается и поэтому хорошо сохраняет следы. Двойная линия немного выше запястья, в том месте, где машинистка касается рукой стола, видна великолепно. Ручная швейная машина оставляет такой же след, но только на левой руке, и притом на наружной стороне запястья, а у мисс Сазерленд след проходил через все запястье. Затем я посмотрел на ее лицо и, увидев на переносице следы пенсне, сделал замечание насчет близорукости и работы на пишущей машинке, что ее очень удивило.

– Меня это тоже удивило.

– Но это же совершенно очевидно! Я посмотрел на ее обувь и очень удивился, заметив, что на ней разные ботинки; на одном носок был узорчатый, на другом – совсем гладкий. Далее, один ботинок был застегнут только на две нижние пуговицы из пяти, другой – на первую, третью и пятую пуговицы. Когда молодая девушка, в общем аккуратно одетая, выходит из дому в разных, застегнутых не на все пуговицы ботинках, то не требуется особой проницательности, чтобы сказать, что она очень спешила.

– А что вы еще заметили? – с интересом спросил я, как всегда, восхищаясь проницательностью моего друга.

– Я заметил, между прочим, что перед уходом из дому, уже совсем одетая, она что-то писала. Вы обратили внимание, что правая перчатка у нее порвана на указательном пальце, но не разглядели, что и перчатка и палец испачканы фиолетовыми чернилами. Она писала второпях и слишком глубоко обмакнула перо. И это, по всей вероятности, было сегодня утром, иначе пятна не были бы так заметны. Все это очень любопытно, хотя довольно элементарно. Но вернемся к делу, Уотсон. Не прочтете ли вы мне описание внешности мистера Госмера Эйнджела, данное в объявлении?

Я поднес газетную вырезку к свету и прочитал: «Пропал без вести утром 14-го джентльмен по имени Госмер Эйнджел. Рост – пять футов семь дюймов, крепкого сложения, смуглый, черноволосый, небольшая лысина на макушке; густые черные бакенбарды и усы; темные очки, легкий дефект речи. Одет в черный сюртук на шелковой подкладке, черный жилет, в кармане часы с золотой цепочкой, серые твидовые брюки, коричневые гетры поверх штиблет с резинками по бокам. Служил в конторе на Леднхолл-стрит. Всякому, кто сообщит...» и так далее и тому подобное.

– Этого достаточно. Что касается писем, – сказал Холмс, пробегая их глазами, – они очень банальны и ничего не дают для характеристики мистера Эйнджела, разве только, что он упоминает Бальзака. Однако есть одно обстоятельство, которое вас, конечно, поразит. – Они напечатаны на машинке, – заметил я.

– Главное, что и подпись тоже напечатана на машинке. Посмотрите на аккуратненькое «Госмер Эйнджел» внизу. Есть дата, но нет адреса отправителя, кроме Леднхолл-стрит, а это весьма неопределенно. Но важна именно подпись, и ее мы можем считать доказательством.

– Доказательством чего?

– Милый друг, неужели вы не понимаете, какое значение имеет эта подпись?

– По правде говоря, нет. Может быть, он хотел оставить за собой возможность отрицать подлинность подписи в случае предъявления иска за нарушение обещания жениться.

– Нет, суть не в том. Чтобы решить этот вопрос, я напишу два письма: одно – фирме в Сити, другое – отчиму молодой девушки, мистеру Уиндибенку, и попрошу его зайти к нам завтра в шесть часов вечера. Попробуем вести переговоры с мужской частью семейства. Пока мы не получим ответа на эти письма, мы решительно ничего не можем предпринять и потому отложим это дело.

Зная о тонкой проницательности моего друга и о его необычайной энергии, я был уверен, что раз он так спокойно относится к раскрытию этой странной тайны, значит, у него есть на то веские основания. Мне был известен только один случай, когда он потерпел неудачу, – история с королем Богемии и с фотографией Ирен Адлер. Однако я помнил о таинственном «Знаке четырех» и о необыкновенных обстоятельствах «Этюда в багровых тонах» и давно проникся убеждением, что уж если он не сможет распутать какую-нибудь загадку, стало быть, она совершенно неразрешима.

Холмс все еще курил свою черную глиняную трубку, когда я ушел, несколько не сомневаясь, что к моему возвращению на следующий вечер в его руках уже будут все нити дела об исчезновении жениха мисс Мэри Сазерлэнд.

Назавтра я целый день провел у постели тяжело больного пациента. Только около шести часов я наконец освободился, вскочил в двуколку и поехал на Бейкер-стрит, боясь, как бы не опоздать к развязке этой маленькой драмы. Однако Холмса я застал дремлющим в кресле. Огромное количество бутылок, пробирок и едкий запах соляной кислоты свидетельствовали о том, что он посвятил весь день столь любезным его сердцу химическим опытам.

– Ну что, нашли, в чем дело? – спросил я, входя в комнату.

– Да, это был бисульфат бария.

– Нет-нет, я спрашиваю об этой таинственной истории.

– Ах вот оно что! Я думал о соли, над которой работал. А в этой истории ничего таинственного нет. Впрочем, я уже вчера говорил, что некоторые детали довольно любопытны. Жаль только, что этого мерзавца нельзя привлечь к суду.

– Но кто же этот субъект, и зачем он покинул мисс Сазерлэнд?

Холмс раскрыл было рот, чтобы ответить, но в эту минуту в коридоре послышались тяжелые шаги и в дверь постучали.

– Это отчим девицы, мистер Джеймс Уиндибенк, – сказал Холмс. – Он сообщил мне, что будет в шесть часов. Войдите!

Вошел человек лет тридцати, среднего роста, плотный, бритый, смуглый, с вежливыми вкрадчивыми манерами и необычайно острым, пронизательным взглядом серых глаз. Он вопросительно посмотрел на Холмса, затем на меня, положил свой цилиндр на буфет и с легким поклоном уселся на ближайший стул.

– Добрый вечер, мистер Джеймс Уиндибенк, – сказал Холмс. – Полагаю, что это письмо на машинке, в котором вы обещаете прийти ко мне в шесть часов вечера, написано вами?

– Да, сэр. Простите, я немного запоздал, но, видите ли, я не всегда располагаю своим временем. Мне очень жаль, что мисс Сазерлэнд побеспокоила вас этим дельцем: по-моему, лучше не посвящать посторонних в семейные неприятности. Я решительно возражал против ее намерения обратиться к вам, но вы, наверное, заметили, какая она нервная и импульсивная, и, уж если она что-нибудь задумала, переубедить ее нелегко. Разумеется, я ничего не имею против вас лично, поскольку вы не связаны с государственной полицией; но все-таки неприятно, когда семейное горе становится общим достоянием. Кроме того, зачем понапрасну тратить деньги? Вы все равно не разыщете этого Госмера Эйнджела.

– Напротив, – спокойно возразил Холмс, – я имею все основания полагать, что мне удастся найти мистера Госмера Эйнджела.

Мистер Уиндибенк вздрогнул и уронил перчатку.

– Очень рад это слышать, – сказал он.

– Обратили ли вы внимание, что любая пишущая машинка обладает индивидуальными чертами в такой же мере, как почерк человека? – сказал Холмс. – Если исключить совершенно новые машинки, то не найти и двух, которые печатали бы абсолютно одинаково. Одни буквы изнашиваются сильнее других, некоторые буквы изнашиваются только с одной стороны. Заметьте, например, мистер Уиндибенк, что в вашей записке буква «е» расплывчата, а у буквы «г» нет хвостика. Есть еще четырнадцать характерных примет, но эти просто бросаются в глаза.

– В нашей конторе на этой машинке пишутся все письма, и шрифт, без сомнения, немного стерся, – ответил наш посетитель, устремив на Холмса пронизательный взгляд.

– А теперь, мистер Уиндибенк, я покажу вам нечто особенно интересное, – продолжал Холмс. – Я собираюсь в ближайшее время написать небольшую работу на тему «Пишущие машинки и преступления». Этот вопрос интересует меня уже давно. Вот четыре письма, написанные пропавшим. Все они отпечатаны на машинке. Посмотрите: в них все «е» расплываются и у всех «г» нет хвостиков, а если воспользоваться моей лупой, можно также обнаружить и остальные четырнадцать признаков, о которых я упоминал.

Мистер Уиндибенк вскочил со стула и взял свою шляпу.

– Я не могу тратить время на нелепую болтовню, мистер Холмс, – сказал он. – Если вы сможете задержать этого человека, схватите его и известите меня.

– Разумеется, – сказал Холмс, подходя к двери и поворачивая ключ в замке. – В таком случае извещаю вас, что я его задержал.

– Как! Где? – вскричал Уиндибенк, смертельно побледнев и озираясь, как крыса, попавшая в крысоловку.

– Не стоит, право же, не стоит, – учтиво проговорил Холмс. – Вам теперь никак не отвертеться, мистер Уиндибенк. Все это слишком ясно, и вы сделали мне прескверный комплимент, сказав, что я не смогу решить такую простую задачу. Садитесь, и давайте потолкуем.

Наш посетитель упал на стул. Лицо его исказилось, на лбу выступил пот.

– Это... это – неподсудное дело, – пробормотал он.

– Боюсь, что вы правы, но, между нами говоря, Уиндибенк, с таким жестоким, эгоистичным и бессердечным мошенничеством я еще не сталкивался. Я сейчас попробую рассказать, как развивались события, а если я в чем-нибудь ошибусь, вы меня поправите.

Уиндибенк сидел съежившись, низко опустив голову. Он был совершенно уничтожен. Холмс положил ноги на решетку камина, откинулся назад и, заложив руки в карманы, начал рассказывать скорее себе самому, чем нам:

– Человек женится на женщине много старше его самого, позарившись на ее деньги; он пользуется также доходом своей падчерицы, поскольку она живет с ними. Для людей их круга это весьма солидная сумма, и потерять ее – ощутимый удар. Ради таких денег стоит потрудиться. Падчерица мила, добродушна, но сердце ее жаждет любви, и совершенно очевидно, что при ее приятной наружности и порядочном доходе она недолго останется в девицах. Замужество ее, однако, означает потерю годового дохода в сто фунтов. Что же делает отчим, дабы это предотвратить? Он требует, чтобы она сидела дома, запрещает ей встречаться с людьми ее возраста. Скоро он убеждается, что этих мер недостаточно. Девушка начинает упрямиться, настаивать на своих правах и, наконец, заявляет, что хочет посетить некий бал. Что же делает тогда ее изобретательный отчим? Он замышляет план, который делает больше чести его уму, нежели сердцу. С ведома своей жены и при ее содействии он изменяет свою внешность, скрывает за темными очками свои пронизательные глаза, наклеивает усы и пышные бакенбарды, приглушает свой звонкий голос до вкрадчивого шепота и, пользуясь близорукостью девицы, появляется в качестве мистера Госмера Эйнджела и отстраняет других поклонников своим настойчивым ухаживанием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.